

stratum
plus

Археология и культурная антропология

№5. 2016

E-ISSN: 1857-3533

НАШЕСТВИЕ. ПРЕДЕЛЫ КАТАСТРОФЫ XIII ВЕКА

Восточная Европа и монгольская глобализация

Кризис Древней Руси: возможности познания

Орда и политическая культура Руси

Шлейф катастрофы. Киев в 1241 году

Преемственность городской культуры после Батыева нашествия

Ремесло в деструктивный период

Влияние Золотой Орды на одежду Руси

Ювелирные традиции. До и после Нашествия

Древнерусская архитектура послемонгольского времени

Ответственный редактор: Роман А. Рабинович

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ 2016

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

The Invasion. The Extent of the Thirteenth Century Catastrophe

Eastern Europe and Mongol Globalization
Crisis in the Early Rus': learning opportunities
The Horde and the Political Culture in Rus'
Catastrophe: the Aftermath. Kiev in 1241
Continuity of the Urban Culture after Batu's Invasion
Crafts in Destructive Times
Golden Horde's Influences on Clothing in Rus'
Jewelry Traditions. Before and after the Invasion
Early Russian Architecture after the Mongols

Editor-in-Charge — Roman A. Rabinovich

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.

2016

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

Invazia. Limitele catastrofei sec. XIII

Europa de Răsărit și globalizarea mongolă
Criza Rusiei Vechi: posibilitățile de cunoaștere
Hoarda și cultura politică a Rusiei
Coadă catastrofei. Kievul în anul 1241
Continuitatea culturii orășenești după invazia lui Batu
Meșteșugul în perioada distructivă
Influența Hoardei de Aur asupra îmbrăcăminteii Rusiei
Tradițiile de giuvaieruri. Până și după Invazie
Arhitectura veche rusă din perioada postmongolă

Redactor responsabil — Roman A. Rabinovich

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.

2016

СОДЕРЖАНИЕ

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ
КАК ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ РУБЕЖ

- Н. Н. Крадин (*Владивосток, Россия*). Восточная Европа и монгольская глобализация 17
- С. В. Томсинский (*Санкт-Петербург, Россия*). Кризис Древней Руси в XIII в.: возможности познания реалий исторической действительности 27
- А. И. Филюшкин (*Санкт-Петербург, Россия*). «От тех царей Золотой Орды начало нашей Русской земли»: повлияла ли Орда на политическую культуру средневековой Руси? 39
- А. В. Майоров (*Санкт-Петербург, Россия*). Русские князья после нашествия Батыев: борьба за Галич и Киев 49

ГОРОДА И ВЕСИ

- Г. Ю. Ивакин, А. В. Комар (*Киев, Украина*). После катастрофы: Киев в 1241 г. 59
- А. Д. Козак (*Киев, Украина*). Коллективное погребение возле Десятинной церкви: тафономия и палеопатология 73
- Е. Е. Черненко (*Чернигов, Украина*). Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований 83
- Е. М. Веремейчик (*Чернигов, Украина*). Усадьба ювелира середины XIII в. в Любече 99
- В. А. Лапшин (*Санкт-Петербург, Россия*). Тверь в XIII—XIV вв. (К проблеме преемственности городской культуры в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия) 117
- С. Г. Бочаров (*Ялта, Крым; Казань, Россия*). Изменение городской культуры в Крыму во второй половине XIII — первой половине XIV в. (на примере возникновения местного производства поливной керамики) 125
- Н. А. Тропин (*Елец, Россия*). О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII в. 133

РЕМЕСЛО

- В. Н. Гурьянов, Е. А. Шинаков (*Брянск, Россия*). Вооружение конца XII — начала XIV вв. с территории Среднего Подесенья и кросс-культурные контакты (в свете монгольского нашествия) 143
- В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова (*Москва, Россия*). Древнерусские кузнечные традиции в деструктивный период (вторая половина XIII — XIV вв.) 157

- Е. П. Королёва** (*Могилёв, Беларусь*), **А. Н. Егорьков** (*Санкт-Петербург, Россия*).
Состав стекла артефактов из некоторых средневековых памятников
Беларуси в контексте влияния татаро-монгольского нашествия
на традиции древнерусского стеклоделия. 163
- В. Ю. Коваль** (*Москва, Россия*). **Керамика Рязанской земли в XIII веке** . . . 175
- А. В. Курбатов** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Кожевенное ремесло лесной зоны
Руси в XIII—XIV вв.** 189
- К. А. Лавыш** (*Минск, Беларусь*). **Подражания золотоордынским изделиям
из кости в Западной Руси** 215

КОСТЮМ И УКРАШЕНИЯ

- Н. В. Жилина** (*Москва, Россия*). **Русские и ордынцы: культурное восприятие
и неприятие** 223
- О. В. Орфинская** (*Москва, Россия*). **Размышления на тему влияния Золотой
Орды на одежду Руси** 251
- Н. М. Калашникова, А. И. Корниенко** (*Санкт-Петербург, Россия*),
С. С. Рябцева (*Кишинёв, Молдова*). **Створчатые браслеты. Традиция
до и после Нашествия** 269
- С. Оца, М. Джорджеску** (*Бухарест, Румыния*). **К вопросу об уточнении
датировки клада из Войнешть (жудец Яссы)** 301
- С. М. Новаковская-Бухман** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Украшения из
разрозненных древнерусских кладов в собрании Русского музея** . . . 321

АРХИТЕКТУРА

- М. В. Малевская-Малевиц** (†). **Церковь XIV в. на детинце Новогрудка** . . . 339
- И. В. Антипов** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Древнерусская архитектура
в первое столетие после монголо-татарского нашествия** 355

РЕЦЕНЗИИ И ДИСКУССИИ

- С. В. Томсинский** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Позвольте кое-что уточнить** . . 369
- А. Н. Кирпичников, С. В. Белецкий** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Новое
исследование мечей викингов** 377

ИСТОРИЯ НАУКИ

- Л. С. Клейн** (*Санкт-Петербург, Россия*). **Чайлд и коллизия с Плетневой** . . 385
- Список сокращений** 391
- Авторам *Stratum plus*** 394

C O N T E N T S

**THE MONGOL INVASION
AS A POINT OF TRANSFORMATION**

- N. N. Kradin** (*Vladivostok, Russian Federation*). **Eastern Europe and Mongol Globalization** 17
- S. V. Tomsinsky** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Thirteenth Century Crisis in the Early Rus': exploring the historical reality** 27
- A. I. Filyushkin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **“The Beginning of Our Russian Land was from those Tsars of the Golden Horde”: did the Horde have an influence upon the political culture of the Medieval Rus’?** 39
- A. V. Maiorov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Russian Princes after the Invasion of Batu: Struggle for Galich and Kiev** 49

OF CITIES AND COUNTRYSIDE

- G. Yu. Ivakin, A. V. Komar** (*Kiev, Ukraine*). **Catastrophe: the Aftermath. Kiev in 1241.** 59
- A. D. Kozak** (*Kiev, Ukraine*). **Collective Burial near Desiatynna Church: taphonomy and paleopathology** 73
- O. Ye. Chernenko** (*Chernihiv, Ukraine*). **Chernigov and the Invasion of the Mongols in the Context of Archaeological Investigations** 83
- O. M. Veremeychyk** (*Chernihiv, Ukraine*). **Jeweler’s Estate of the Middle of the 13th Century in Lyubetch** 99
- V. A. Lapshin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Tver in the 13th —15th Centuries (on continuity of urban culture in North-Eastern Russia after the invasion of Batu)** 117
- S. G. Bocharov** (*Yalta, Crimea; Kazan, Russian Federation*). **Changes in Urban Culture in the Crimea in the Second Half of the 13th Century — the First Half of the 14th Century (on emergence of a local production of glazed pottery)** . . . 125
- N. A. Tropin** (*Yelets, Russian Federation*). **On the Restoration of the Don Trade Route by the Mongols in the Middle of the 13th Century** 133

CRAFTS

- V. N. Guryanov, E. A. Shinakov** (*Bryansk, Russian Federation*). **Armament of the Late 12th — Early 14th Centuries from the Middle Desna Region and Cross-Cultural Contacts (in the context of the Mongol invasion)** 143
- V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova** (*Moscow, Russian Federation*). **The Ancient Russian Blacksmith’s Traditions in Destructive Period (second half 13th — 14th cc.)** 157

E. P. Korolyova (<i>Mogilev, Belarus</i>), A. N. Egorkov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Composition of Glass Artifacts from Some Medieval Sites of Belarus in the Context of Influence of the Tatar-Mongol Invasion on the Tradition of Early Russian Glassmaking	163
V. Yu. Koval (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Ryazan Land Pottery in the 13th Century	175
A. V. Kurbatov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Leather-making in the Forest Zone of Rus' in the 13th—14th Centuries	189
K. A. Lavysh (<i>Minsk, Belarus</i>). Imitations of Golden Horde Bone Articles in Western Rus'	215

COSTUME AND ADORNMENT

N. V. Zhilina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Russians and the Horde Peoples: Cultural Acceptance and Rejection	223
O. V. Orfinskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reflections on the Impact of the Golden Horde on Rus' Clothing	251
N. M. Kalashnikova, A. I. Kornienko (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), S. S. Ryabtseva (<i>Kishinev, Moldova</i>). Bracelets with Hinges. The Tradition Before and After the Invasion	269
S. Oța, M. Georgescu (<i>Bucharest, Romania</i>). Some Observations about the Re-dating of the Treasure Hoard from Voinești (Jassy County)	301
S. M. Novakovskaya-Buchman (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Jewelry from Unknown Treasure Hoards in Collections of the State Russian Museum . . .	321

ARCHITECTURE

M. V. Malevskaya-Malevich (†). The 14th Century Church in the Detinets (Citadel) of Novogradok	339
I. V. Antipov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Russian Architecture of the First Century after Mongol Invasion	355

REVIEWS AND DISCUSSIONS

S. V. Tomsinsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). As a Matter of Clarification . .	369
A. N. Kirpichnikov, S. V. Beletsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). A New Study of the Viking Swords	377

HISTORY OF SCIENCE

L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Childe and the Collision with Pletneva	385
Abbreviations	391
Submissions	394

А. В. Курбатов

Кожевенное ремесло лесной зоны Руси в XIII—XIV вв.

Keywords: Rus', 13th—14th centuries, leather-making, impact of the Golden Horde, technology development, innovations, decoration.

Cuvinte cheie: Rusia, sec. XIII-XIV, meșteșugul pielăriei, influența Hoardei de Aur, dezvoltarea tehnologiei, inovații, decor.

Ключевые слова: Русь, XIII—XIV вв., кожевенное ремесло, золотоордынское влияние, развитие технологии, новации, декор.

A. V. Kurbatov

Leather-making in the Forest Zone of Rus' in the 13th—14th Centuries

Interdisciplinary analysis of sources on leather making in medieval Rus' suggests that the Mongol-Tatar invasion influenced positively the technology of tannery and formation of new types of footwear and other leather goods, as well as the development of decoration of leather objects in Rus'. Archaeological evidence of the 14th—15th centuries demonstrates changes in major forms of footwear in Russian towns. High boots became absolutely predominating whereas the openwork carbatinae and soft low shoes came out of use in the 14th century, so that they are not found together in the 15th—16th centuries. In the construction of high boots, besides thicker leather and hidden ("v podtay") seam type, a number of technological and decorative novelties were found.

A. V. Kurbatov

Meșteșugul pielăriei din zona de pădure a Rusiei în sec. XIII—XIV

Analiza interdisciplinară a izvoarelor ce țin de meșteșugul pielăriei în Rusia medievală ne permite să vorbim că invazia tătară-mongolă a influențat pozitiv aspectul tehnologic al producției de pielărie, formarea unor noi tipuri de încălțăminte și altor obiecte din piele, precum și asupra dezvoltării decorului lor în Rusia. Materialele arheologice din sec. XIV—XV arată schimbările intervenite în principalele varietăți de încălțăminte în orașele rusești. Devin absolut dominante cizmele, în timp ce încălțăminte ajurată și pantofii moi pe talpă sunt scoase din uz în sec. XIV și în complexe din sec. XV—XVI nu mai apar. În construcția cizmelor, în afară de utilizarea unei piei mai groase și a cusăturii „ascunse”, este vizibil și un șir de inovații tehnice și decorative.

A. В. Курбатов

Кожевенное ремесло лесной зоны Руси в XIII—XIV вв.

Комплексный анализ источников по кожевенному делу средневековой Руси позволяет говорить, что монголо-татарское завоевание оказало позитивное влияние на технологическую сторону кожевенного производства, на формирование новых конструкций обуви и других кожаных изделий, а также на развитие их декора на Руси. Археологические материалы XIV—XV вв. показывают изменения в основных видах обуви в русских городах. Абсолютно доминирующими становятся сапоги, тогда как ажурные поршни и мягкие низкие туфли выходят из употребления в XIV в. и в комплексах XV—XVI вв. уже не встречаются. В конструкции сапога, кроме употребления более толстой кожи и шва «в подтай», виден ряд технических и декоративных новшеств.

Введение

Сегодня многие отечественные историки высказывают мнение о давно назревшей необходимости пересмотра не совсем ясного вывода советских историков об «упадке ремесла и культуры» после монголо-татарских походов на Русь (1237—1240 гг.) и политическое подчинения русских княжеств государству Джучидов. Так, Н. А. Макаров, анализируя накопленные археологические материалы и их

интерпретацию, пишет: «поспешно согласившись с тем, что общие историко-культурные сдвиги той эпохи были обусловлены лишь разрушительным вторжением Батгя, мы рискуем чрезмерно упростить и представить в искаженном виде сложную картину исторической жизни XIII столетия» (Макаров 2003: 6).

Изменения научных взглядов происходили постепенно, под влиянием расширяющихся археологических свидетельств того, что культурные слои и комплексы сер. —

2-й пол. XIII в. показывают дальнейшее развитие технологий в ремеслах, а в сфере торговли — установление широких контактов Руси со всем Евразийским миром. Так, Г. А. Федоров-Давыдов пришел к принципиально важному выводу о том, что общественные системы, сложившиеся к XIII в. на Руси, в Волжской Булгарии, Крыму и других оседлых регионах, «испытав страшное потрясение в момент нашествия и потеряв огромную массу производительных сил, все же выстояли, выжили, сохранились в основных своих чертах..., власть монголов свелась к сбору дани..., оказалась опосредованной местной феодальной верхушкой» (Федоров-Давыдов 1973: 26, 27).

В современной российской историографии все чаще появляются научные работы, авторы которых на фактических материалах показывают надуманность прежних утверждений. Например, тезис Б. А. Рыбакова о том, что монголо-татары разрушили более 2/3 древнерусских городов, из которых 1/3 не была затем восстановлена, подвергает сомнению А. В. Чернецов: «устанавливаемая археологически дата гибели большинства рассмотренных городищ слишком широка для того, чтобы с полным основанием связывать каждое такое событие с монголо-татарским нашествием». По его представлению, даже Киев и Рязань не были полностью уничтожены и вскоре после событий 1237 и 1240 гг. восстановлены, ибо в глазах ордынцев они представляли собой важные торговые и военно-политические пункты (Чернецов 2003: 13).

Вывод А. В. Чернецова подтверждает Г. Ю. Ивакин, отметив, что до недавнего времени киевские археологи считали братские могилы погибших, разрушенные каменные сооружения, клады, следы пожаров исключительно связанными с 1240 г. Они также полагали, что после разгрома Киева в 1240 г. в нем прекратилось производство стекла, шиферных пряслиц, ювелирных изделий и т. д. При этом исследователи не учитывали многочисленные разгромы и осады города 1-й пол. XIII в., произведенные русскими князьями, а также возможные пожары и стихийные бедствия этого времени. «Все свое незнание археологи перекладывали на нашествие Батгя... Каменные соборы Киева (если не считать Десятинной церкви) не были разрушены монголами в 1240 г. Археология таких случаев не фиксирует... Считаю, что продолжалось развитие материальной культуры XI—XII вв., обусловленное прежде всего внутренними факторами, которые были осложнены внешними ударами. Последнее касалось лишь отдельных аспек-

тов и сторон культурной ситуации, а не ее глубинной основы. Разрыва традиций не было» (Ивакин 2000: 48—49).

Подобный ход развития древнерусской культуры Т. Д. Панова видит для Москвы, и для других территорий Руси, где XIII столетие отнюдь не было катастрофическим. Наоборот, «в истории города это был период не застоя, а бурного развития и роста», который в новых, благоприятных для Москвы условиях вскоре положил начало стремительному политическому взлету (Панова 2000: 79). С этим утверждением согласился Л. А. Беляев (Беляев 2000: 14—17).

Более того, некоторые историки подчеркивают, что в течение более двух столетий пресловутого «татарского ига» на Руси не была разрушена ни одна православная церковь, а наоборот, их количество увеличилось ровно в два раза. В два раза увеличилось и количество населения (Макаров, Захаров, Зайцева 2000: 66), а также была заложена прочная основа для формирования единого Русского государства (Хакимов 2005: 205).

Оценки историков XVIII—XX вв.

Проявившаяся в последние десятилетия тенденция к пересмотру исторического значения монголо-татарских завоеваний для русских земель опирается на комплексное рассмотрение письменных и археологических источников. Долгое время приоритет в этом вопросе занимали письменные источники, степень объективности которых требовала проверки. Постепенное накопление археологических материалов во 2-й пол. XX в., их более углубленное и специализированное изучение, выводят эту группу источников на первое место в разряде весомых научных аргументов. Однако на сегодня степень изученности разных памятников, производственных традиций и отдельных ремесел средневековой Руси остается на разном уровне, что сильно затрудняет их сравнительный анализ и сопоставление результатов исследований. Наиболее последовательное, длительное и поступательное накопление аналитических материалов заметно в изучении средневекового кузнечного ремесла, особенно в сфере металлографических исследований. Специалисты в этой области пришли к выводу, что «в железообрабатывающем производстве не произошло разрыва традиций, который можно было бы предполагать в результате татаро-монгольского нашествия» (Вознесенская 2014: 219).

По-видимому, в первую очередь необходимо учитывать, что «разгром русских городов

монголо-татарами» и «упадок ремесла» — это разные исторические явления. В этом плане можно привести вывод Б. А. Колчина, основанный на изучении ремесла древнерусских городов, прежде всего Новгорода. Он склонялся к выводу о кратковременной приостановке развития отечественной культуры сразу после завоевательных походов Батые, хотя «технический строй ремесла, культуру труда монголы разрушить не могли, все эти навыки оставались в народе» (Колчин 1969: 156).

Хотя оценка влияния монгольских завоеваний на русскую культуру среди историков XVIII—XX вв. всегда была неоднозначной, в советской науке возобладало строго негативное отношение к последствиям монголо-татарского завоевания Руси, в том числе и для ремесла (Рыбаков 1948: 525, 533—534; Муравьева 1973: 112; Черепнин 1977: 206). Их выражали и такие известные историки, как М. Н. Тихомиров, В. П. Пашуто, В. В. Каргалов. В монографиях и многочисленных статьях этих и других историков отражено представление об исключительно разрушительной политике ханов в их взаимоотношениях с русскими княжествами, о бедствиях и героической борьбе народных масс с иноземными и отечественными угнетателями. С современной точки зрения, такие представления советских историков в большей мере строились не на исторических фактах, а на предвзятом мнении К. Маркса об «иссушающем душу народа иге» (Лушников 2009: 28, 72).

С другой стороны, достаточно широко в работах известных историков Руси, востоковедов и археологов представлены и противоположные суждения. Обзор данной проблематики в отечественных исторических работах показывает аргументированные мнения о положительных последствиях монгольских завоеваний, сказавшихся, в частности, на расширении связей между Европой и Азией (Борисов 1976: 129—148). Об этом особенно активно стали высказываться историки с конца 1980-х гг. Так, Э. Хара-Даван показал на конкретных примерах, что «восточные обычаи распространились неудержимо на Руси во время монголов, принося с собой новую культуру, новый быт» (Хара-Даван 1991: 185—186). С этим согласны и востоковеды (Ланда 1995: 44 и след.). По словам историка перв. пол. XX в. Ф. В. Баллода, «ради собственных материальных интересов ханы заботились о восстановлении городской жизни, промышленности и торговли в завоеванных странах», продолжая в этом политику по-

бедителя, и ранее наблюдавшуюся на Востоке (Баллод 1923: 89—90).

Многие аспекты данной проблематики возможно рассмотреть только на материалах археологии. Например, о быстром восстановлении разорванных монголо-татарскими погромами 1238—1240 гг. торговых связей русских городов Поволжья свидетельствуют археологические находки, полученные в результате длительных и планомерных археологических раскопок. Так, М. Д. Полубояринова, рассматривая многочисленные находки самшитовых гребней в Новгороде, пришла к выводу, что «самшит проникал в Новгород с Кавказа именно по волжскому пути. Второй подъем производства гребней в Новгороде падает на последнюю треть XIII в. и длится весь XIV в.» (Полубояринова 1978: 48). Кашинные бусы также попадали в Новгород и его окрестности волжским путем. Разовый всплеск их распространения следует в 40—50-е гг. XIII в., т. е. непосредственно за татарскими разорениями (Лесман 1994: 191—192). С концом XIII — нач. XIV в. связывается появление в культурном слое Тверского кремля восточной, т. н. «золотоордынской» керамики (Лапшин 2009: 167). Такие примеры показывают, что сложившийся в XII — нач. XIII вв. торговый путь по Волге продолжает действовать и во 2-й пол. XIII в., а города, лежащие в зоне действия пути и разрушенные в ходе монгольского завоевания, были восстановлены и активно развивали свою торговую и ремесленную специализацию.

Примерами двусторонних связей Руси и Орды в XIII—XIV вв. историки считают не только появление на Руси материальных изделий восточного происхождения, но и наличие в русских городах контингента выходцев из Орды, особенно знати — вместе с их окружением, в числе которых были и ремесленники (Орлова 1997: 165). Это позволяет предполагать налаживание производства некоторых восточных изделий уже в русских городах и обучении русских мастеров традициям восточной техники и технологии.

По-видимому, и высокое искусство древнерусских ювелиров, вопреки мнению Б. А. Рыбакова, не было утрачено после монгольских завоеваний. Со всей определенностью об этом написала Т. И. Макарова, изучив облачения митрополита Алексея XIV в.: «Организация ремесла, связи с соседними землями и ремесленными центрами, сама структура художественных ремесел не были утрачены, несмотря на разрушительные последствия татаро-монгольского нашествия; они восстанавливались сразу в традицион-

ных рамках Древней Руси... в художественном ремесле Москвы домонгольские традиции получили продолжение и в черневом деле, и в эмальерном, и в жемчужном шитье, и в иконографии, и в орнаментации» (Макарова 1998: 63).

Далеко не все аспекты контактов Руси с Востоком под влиянием монголо-татарских завоеваний, особенно по материалам археологии, затрагиваются в работах историков. Достаточно сложно, в частности, выделять восточные мотивы в орнаментах прикладного искусства. Последние десятилетия, как отмечает М. А. Орлова, можно считать новым этапом изучения этого круга памятников, отличного по глубине осмысления и тщательности анализа (Орлова 1997: 154 и сл.). Но здесь речь идет, как правило, только о технически совершенных и высокохудожественных изделиях ювелиров, практически каждый из которых уникален. В ряду таких памятников, например, рассматриваются художественная резьба в архитектуре, парадная посуда из драгоценных металлов, отдельные глиняные сосуды с богатой отделкой (Крамаровский 1974; Лелеков 1978). В прикладном искусстве, в монументальной живописи, в украшении рукописей, в каменной и деревянной резьбе в конце XIV — начале XV вв. создавались произведения, отмеченные влиянием восточной орнаментики. Можно даже говорить о «восточной моде» в этот период (Орлова 1997: 163—166).

О широких и многовековых культурных заимствованиях с Востока в области литературы и книжности пишет А. В. Чернецов. Эти заимствования и переводы восточных сочинений, как и проникновение восточных традиций в русский обиход, начались задолго до формального освобождения Руси от ордынского владычества. Хотя здесь надо видеть не отстаивание взглядов о «евразийской» природе русской культуры, а понимание ее своеобразия. Именно в этом значении восточного влияния представляется А. В. Чернецову очень большим (Чернецов 1997: 160).

Влияние восточных деталей в комплексе древнерусской одежды, конского убора и предметов быта в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий рассматривала А. В. Козлова, собравшая все известные предметы восточной традиции в Витебске, Полоцке, Смоленске, Пскове, Великом Новгороде, Твери и Белоозере, относящиеся к домонгольскому и ордынскому периодам. Украшения головы и головного убора представлены наибольшим числом вещей из медных сплавов и серебра — 548 экз.

Находки металлических украшений домонгольского времени в городах северо-запада немногочисленны, что пропорционально общему количеству изделий из цветного металла того времени. Изделиями восточной традиции X в. являются, в основном, ременные украшения. Вещи XI—XII в. представлены предметами быта, ремесленными накладками, браслетами. Все они имеют аналогии на поселениях и в погребениях восточных соседей Древней Руси — степных кочевников и Волжской Булгарии. Большинство изделий относится к золотоордынскому периоду. Это предметы быта и украшения из цветных металлов, имеющие аналогии на огромной территории от Монголии до Венгрии. В XIII в. появляются многочисленные новые виды изделий — серьги, булавки, гарнитура пояса, пластинчатые браслеты с львиными масками на концах. Наиболее многочисленны серьги и булавки. В поздний период (XIV—XV вв.) сохраняется роль украшений пояса и сбруи восточной традиции.

Изделия позднего этапа выявлены в Пскове, Твери и Новгороде. «Наилучшим образом аналогии рассматриваемым находкам представлены в ордынских городах. Наиболее вероятно, что даже изделия сибирской, среднеазиатской и кавказской традиции поступали на Русь опосредовано, через поволжский регион». Во 2-й пол. XIV в. набор восточных изделий дополняется новыми группами: замки сумок, мужские перстни и накладки с хрустальными вставками на клею. Число находок, принадлежащих восточной традиции, увеличивается (Козлова 2006: 15, 16).

Оценка влияния монголо-татарских нашествий на общее изменение жизни народов Восточной Европы выражена в работе современного татарского историка Э. Калана (Калан 2012: 45 и сл.). Он отметил, что «многие авторы, изучавшие социо-культурную и экономическую историю Евразии в период монгольских завоеваний и непосредственно после них, описывали довольно негативную картину хозяйственной и общественно-политической жизни покоренных стран. По их мнению, монгольское завоевание сопровождалось тяжелейшими последствиями для экономики, социального развития и культуры народов Евразии. Письменные источники и археологические материалы того периода как будто также поддерживают их точку зрения. Но если мы будем более объективно рассматривать историю Великой монгольской империи, то обнаружим несколько иную картину» (Калан 2012: 45).

Изучение кожевенного дела в русских городах XIII—XIV вв.

Работа такого направления, применительно к кожевному делу, наталкивается на определенные трудности, из которых основными, на наш взгляд, являются: 1) разная степень изученности ремесла по археологическим данным для отдельных городов и регионов; для многих городов отсутствуют сопоставимые хронологические колонки изменения изделий из кожи по времени; 2) разнородность методических приемов и действий, используемых при работе с археологическими коллекциями, что усложняет сопоставление материалов; 3) разный период бытования однотипных предметов в каждом городе.

Примером различий в методических подходах и практике описания и анализа кожаных предметов, найденных в русских средневековых городах, можно назвать, с одной стороны — монографическое исследование о кожевенном деле средневековой Твери (Курбатов 2004), а с другой — два предложения о немногочисленных находках кожаных вещей в Турове, по которым автор делает неожиданный вывод о несомненном развитии в городе кожевенно-сапожного ремесла (Лысенко 1974: 60—62, 67).

В соответствии с разработанной периодизацией кожевенного ремесла на Руси, XIII—XIV вв. относятся ко второму и третьему этапам, границей между которыми назван именно исторический момент монголо-татарских завоеваний (Курбатов 2008: 472—476; 2012б: 38—41). Значительные собрания обувных форм и конструкций на Руси для конца XII — XIII вв. встречены в Новгороде, Пскове, Старой Руссе, Белоозере. Показательной для периода конца XII — первой половины XIII вв. является коллекция Полоцка из раскопок М.К. Каргера в 1957 г. (Курбатов 1999: 100 и сл.) и хронологически близкая к ней коллекция Белоозера (Оятева 1973: 199—205). Относительно узкая хронологическая «амбразура» полоцких находок доказывается анализом стратиграфии культурных отложений и сопоставлением комплекса всех находок с материалами соседних раскопок Г.В. Штыхова 1959—1962 гг., для которых все ярусы деревянных сооружений имеют серии дендродат. В работе Г.В. Штыхова кожаные предметы надежно привязаны к ярусам застройки, однако аналитических выводов по изменениям конструкций обуви нет (Штыхов 1975: 72—80).

Совершенно иное обоснование датировки кожаных предметов надо принимать

для Белоозера. Автор раскопок Белоозера Л.А. Голубева относит открытые ею слои и комплексы к X—XIV вв., в соответствии с чем Е.И. Оятева, изучавшая кожаную обувь памятника, относит находки к XI—XIII вв. (Голубева 1973: 118 и сл.; Оятева 1973: 199). Однако такая датировка не выглядит правомерной в силу однотипности всей белоозерской обуви, неизменяемости её по формам раскроя, манере сшивания, способам крепления на ноге и декору. Трудно представить неизменность обуви на протяжении 3-х столетий на фоне динамичного изменения разных деталей костюма, например, металлических украшений и аксессуаров, зафиксированных к тому времени в Новгороде (Колчин 1958; 1982), а также на фоне относительно быстрой смены обувных форм во всех странах Западной Европы, что можно видеть, например, в средневековом Лондоне (Grew, de Neergaard 1988; Курбатов 1992: 220—224). Тем более, что опыт автора позволил доказать смену конструкций обуви в русских городах в пределах не более чем 2-х поколений жителей, т.е. через 40—50 лет (Курбатов 2012б: 35).

В переписке с Е.И. Оятевой Л.А. Голубева сделала существенные уточнения положения ряда находок в слоях, основанные на стратиграфических наблюдениях, реконструкции застройки участков раскопок и изучении полученных дат для дендроспиллов (Курбатов 1999: 116). Так, детали обуви из публикации — верх и подошвы (Оятева 1973, рис. 72: 10; рис. 73: 1; рис. 74: 6, 17, 24) найдены на уровне нижней границы VI пласта и в пласте VII — в слое со щепой, на уровне мостовой 2 яруса застройки и под ней в раскопах № XVII—XVIII. Они датируются 2-й пол. XII в. Связанный с этим слоем частокол в кв. 40, 45, 50, 55, 60, 65 относится к 1195 г. (Черных 1965: 90), но постройки возникли ранее частокола и настила (Голубева 1973: 96—97, 105—106, рис. 28, 36). Сруб № 4, например, к моменту сооружения настила, перекрывшего частокол с дендродатой, 1195 г., по мнению Л.А. Голубевой «простоял не менее четверти века». Также было уточнено положение других деталей обуви (Оятева 1973: рис. 72: 3, 5; 73: 3, 5, 13, 15), происходящих с раскопа № XXX 1959 г. Открытые здесь комплексы деревянной застройки относятся к XIII—XIV вв. (Голубева 1973: 62—63, 110—111). На основании сделанных уточнений и типологическом сходстве белоозерских и полоцких находок большую часть обуви из Белоозера надо относить к концу XII — 1-й пол. XIII вв.

Подобный вопрос уточнения датировки касается и ряда других коллекций, по-

лученных в раскопках сер. — вт. пол. XX в. Например, достаточно спорной представляется датировка кожаных предметов из раскопок Смоленска, хотя она основана, как пишет М. Ю. Полонская, «на основе дендрохронологического анализа деревянных сооружений» и привязки находок к слоям, постройки которых датированы на основании анализа древесных спилов. Ажурные поршни исследователь отнесла в смоленских материалах к широкому интервалу — с конца XI в. до сер. XIV в. (Полонская 1991: 105, 107), хотя в других городах установлено более короткое время их бытования — XIII — 1-й пол. XIV вв. (Курбатов 2015: 469). Появление сапог «жесткой конструкции» она относит ко 2-й пол. XII в., и бытуют они (видимо, непрерывно, в понимании М. Ю. Полонской) по XVI в. Однако, в узко датированных комплексах, где отсутствуют перекопы, показанная на рисунках обувь появляется только в нач. XVI в. и относится к развитой форме «жесткой конструкции» (Полонская 1991: 113; Курбатов 2015: 486—487). В целом, знакомство с публикацией этих материалов открывает противоречия при сравнении с другими коллекциями и мешает использовать выводы автора для характеристики кожаного и обувного ремесла средневекового Смоленска.

Для Пскова исследователи средневековой обуви предпочитают оперировать широкими хронологическими интервалами, например, XI—XIII вв. или XII—XIV вв., что затрудняет установление изменений в этом виде средневековых изделий (Оятева 1962; Зубкова 2011). Обработанные автором материалы Пскова рассматриваемого в данной работе периода касаются только IVA и XIV раскопов на ул. Ленина, где находки датируются временем не ранее XIV в. (Курбатов 2006: 110—111).

Появилась публикация материалов недавних раскопок на территории Московского Кремля. При анализе материалов по столетиям автор отмечает привязку только отдельных изделий к узко датированным комплексам в рамках XIII—XIV вв. (Осипов 2014: 51 и сл.).

Едва ли не самой известной в России является работа по кожанно-обувному ремеслу С. А. Изюмовой, написанная на материалах Неревского раскопа в Великом Новгороде. Это первый опыт специального изучения большой археологической коллекции, связанной с кожаным ремеслом в русских средневековых городах, и целенаправленного отбора письменных источников по этому вопросу (Изюмова 1959: 192—222). Широкий охват археологических, письменных и этно-

графических данных способствовал популярности работы и предложенных автором выводов. Приводимые аргументы в пользу своих заключений историко-культурного характера С. А. Изюмова рассматривала как общую тенденцию развития ремесла во всех древнерусских землях и городах. При этом материалы разных периодов средневековой Руси рассматривались ею как единое и неизменное состояние ремесла, сохранявшееся в кустарном деле до XX в. Поэтому она считала правомерным использовать документы XVI—XVII вв. для оценки ремесла древнерусского времени (Курбатов 2012а: 166). Из этого проистекает мнение о длительном сохранении в быту единых форм и типов обуви, а также обоснованность широких датировок. Сегодня стала очевидной нереальность такого взгляда на средневековое кожаное дело и обувную моду.

Диссертационная работа Д. О. Осипова по кожанно-обувному ремеслу Великого Новгорода дает недостаточно возможности оценить уточнения времени бытования и производства каждого вида и варианта обуви в этом крупнейшем городском центре Северной Руси. Среди опубликованных новых материалов раскопок автор предложил только коллекцию Ильменского раскопа, а также данные из неопубликованных дипломных работ И. В. Ситниковой и Д. И. Соловьева по материалам Нутного и Неревского раскопов, хотя в целом, отмечается привлечение к работе материалов 17 раскопов в объеме 18.860 единиц (Осипов 2012: 12, 15). Аналитическая составляющая не имеет количественной оценки видов обуви по слоям и столетиям. Выделяются только конкретные формы обуви, встреченные на разных раскопах и привязанные к датируемым слоям.

В Берестье собрана представительная коллекция деталей кожаной обуви, привязанная в плане и стратиграфически к хорошо датированным ярусам деревянной застройки и конкретным сооружениям, относящимся к XI—XIV вв., но отмечено что большую часть коллекции следует относить к XII—XIV вв. Это определяет ценность собрания для изучаемого периода. Надо отметить, что здесь все 8 ажурных поршней (из общего числа 43-х поршней) встречены в слоях XIII — нач. XIV вв. (Лысенко 1985: 287—300). Также обобщенно, к XII—XIV вв., отнесены и другие выделенные виды обуви — туфли и сапоги. По нашему мнению, все виды обуви, формы их раскроя, варианты сшивания и орнаментация в наибольшей степени соответствуют комплексу изделий из Тверского крем-

ля, что позволяет относить находки Берестья преимущественно к XIII—XIV вв.

Интересный сравнительный материал XII—XIII вв. дают кожаные изделия Георгиевского раскопа, выполненного в историческом центре Старой Руссы. Это 391 деталь обуви, к сожалению не разделяемые по столетиям (Антропова 2004: 283 и сл.). Также небольшие объемы материалов рассматриваемого периода были введены в научный оборот по раскопкам в Гродно (Воронин 1954: 61—63), Турове (Лысенко 1974: 60—62), Орешке (Кильдюшевский, Курбатов 1997: 270—280) и некоторых других городах. Среди них стоит выделить коллекцию из закрытого комплекса конца XIII — 1-й пол. XIV вв. в г. Владимире-на-Клязьме. Всего 569 кожаных предметов было найдено в заполнении подполья наземной постройки на территории «Нового города» в процессе охранных работ 2005 г. По особенностям материала, технике раскроя и сшивания, декору деталей вся коллекция наиболее точно сопоставима с материалами из Тверского кремля (Осипов 2007: 134 и сл.). Кожаные предметы из Владимира рассеивают сложившееся представление, что это типичный средневековый город с «сухим» слоем, где не могут сохраняться органические материалы. Из некоторых раскопов 2000-х годов происходят собрания кожаных предметов с домонгольского времени до вт. пол. XVIII в. (Курбатов 2008а; Григорьев 2008).

Третий тезис вариационности в данной проблематике связан с различными периодами бытования разных групп однотипных предметов в древнерусских городах, что было доказано на материалах из раскопок в Тверском кремле в 1993—1997 гг. На основе представительной и статистически достоверной выборки таких массовых изделий, как стеклянные браслеты, показано отличие культуры средневековой Твери от других крупных городских центров Руси — Новгорода, Смоленска и Полоцка. Эти города не пострадали от нашествия монголов, и в них наблюдается плавное уменьшение количества браслетов в слоях XIII в. В Смоленске наибольшее количество браслетов отмечено в первой трети XIII в., а во 2-й пол. столетия они уже стремительно выходят из употребления (Асташова 1999: 116). В работе Ю.Л. Щаповой отмечено, что в Полоцке браслеты исчезают в нач. XIV в., а в Новгороде на 2-ю пол. XIII—XIV вв. приходится только около одной трети находок (Щапова 1972: 114, 173—174). Отличную картину дают материалы из Тверского кремля. Здесь пик числа стеклянных браслетов приходится на слои первой трети XIV в.,

что сближает Тверь с Нижним Новгородом и Булгаром. В то же время по цветовой гамме тверская коллекция браслетов наиболее близка новгородской. Одинаковым оказывается и время исчезновения браслетов в этих городах: в Новгороде это 8 ярус, датируемый 1369—1382 гг., а в Твери — горизонт 5, датируемый 1364—1385 гг. (Лапшин 2009: 141). Также определенное запаздывание бытования в Твери по сравнению с Новгородом отмечено для шиферных пряслиц и разных видов металлических перстней.

Сравнивая материальную культуру Твери и других русских городов, В.А. Лапшин отметил своеобразие Твери, как столицы одного из великих княжений Северо-Восточной Руси. В этом молодом центре городская культура формировалась крайне неравномерно. Поэтому мода на стеклянные браслеты, при несомненных тесных и разнообразных связях с Новгородом, достигает своего пика с опозданием на столетие. Также в Твери очень долго бытовали деревенские украшения «курганного типа», которые археологи относят к домонгольскому времени. С другой стороны, кузнечное дело, производство оружия и орудий труда в Твери полностью соответствует передовым технологическим схемам, хотя динамика изменений в этих ремеслах происходит замедленно (Лапшин 2009: 142—143).

Продукция обувного ремесла XIII—XIV вв.

Для 1-й пол. XIII в. набор обуви можно представить по материалам Полоцка, а также сравнимым находкам из Смоленска, Новгорода, Старой Руссы. Бытовали несколько видов мягкой обуви: сапоги, т.н. полусапожки, туфли, поршни и «домашние тапки».

В коллекциях всех городов преобладают **мягкие туфли**, для конструкции которых характерно сочетание однослойной подошвы и одно- или двухдетального верха, без каких-либо дополнительных внутренних элементов. Туфли имели асимметричный или симметричный варианты кроя. Первый включал однодетальную, по замыслу, асимметричную раскройку верха, «обертываемую» вокруг стопы, со швом на внутренней стороне стопы (рис. 1: 2; 2: 1; 3; 5: 1—5). Но она часто имела дополнения из отдельных кусков, что следует объяснять экономией кожи или отсутствием подходящих кусков материала. Боковины верха высотой 5—5,5 см, по ситуации — стоячие или отложные, закрывали лодыжку и низ голени. Отсутствие на верхних концах боко-

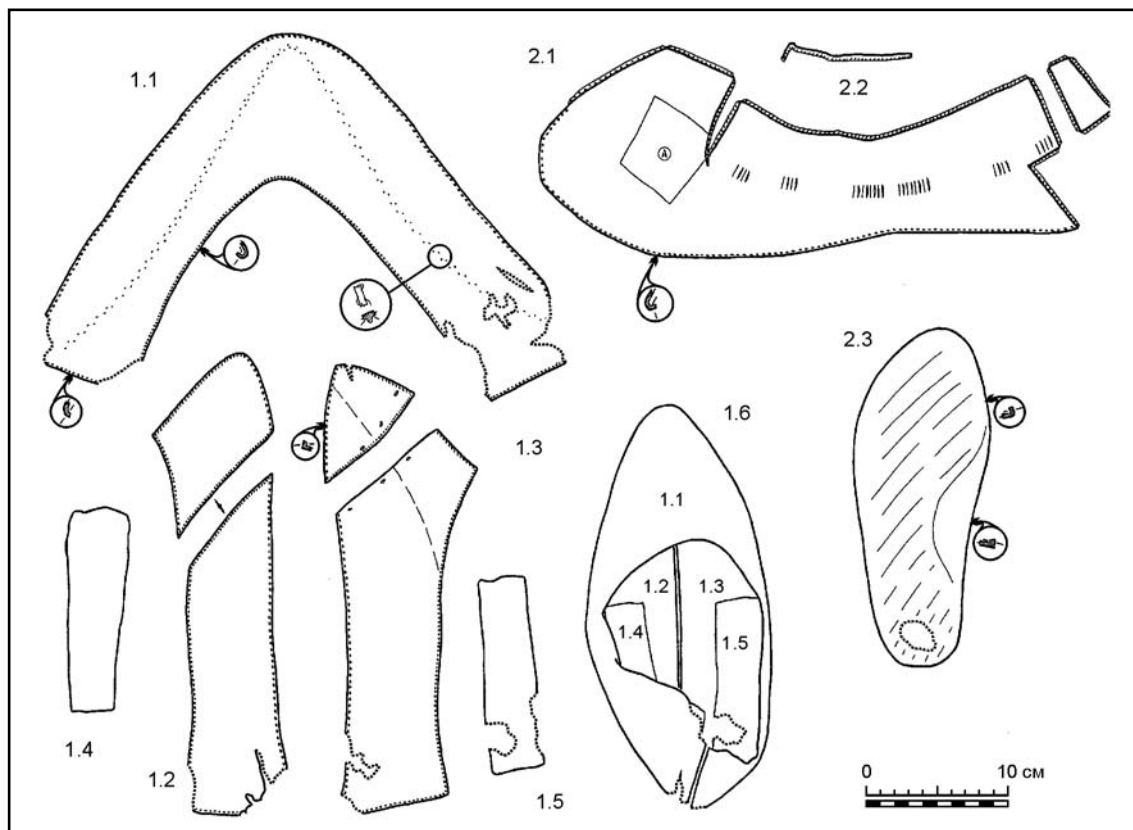

Рис. 1. Рюриково Городище. Наборы деталей и реконструкция мягкой кожаной обуви. 1.1—6 — детали и их положение в модели «домашней туфли»; 2.1—3 — детали верха и подошва мягкой туфли асимметричного кроя.

Fig. 1. Rurikovo Gorodishche. Sets of parts and reconstructions of soft leather footwear. 1.1—6 — parts and their position in the model of 'home shoes'; 2.1—3 — parts of the top and sole of soft shoes with asymmetric soft cut.

вин следов от крепления ремешков позволяет предполагать преимущественное ношение обуви с отложными боковинами. Обувь крепилась на ноге кожаными оборами, продетыми сквозь серии прорезов на уровне лодыжки. Второй вариант туфель имел двухдетальную раскройку верха, симметричную по продольной оси, со швом на пятке (рис. 2: 4, 6—8; 4).

Сапоги этого периода надо относить к группе высокой мягкой обуви, с выворотным/тачным основным швом. Они представляют самую раннюю форму высокой обуви с «глухим» голенищем, бытовавшую в русских городах в XII — 1-й пол. XIV вв. Модель включала однослойную подошву, головку, задник и двучастное (реже — однодетальное) голенище (рис. 6: 8). В конструкции нет внутренних элементов. Основные детали иногда сшиты из 2—3-х частей, что было следствием ремонта или экономии материала.

Подошвы сапог отличает многообразие серийно встречаемых форм. Практически все подошвы мягких сапог однослойные, кроены из кожи толщиной 1,5—2 мм. Часто они были симметричные в плане, т.е. не различимые для правой и левой стопы. Крой подошв со-

ответствует двум фасонам сапог: 1) подошвы с округлыми носком и пяткой и 2) с округлым носком и заостренной пяткой, которая вшивалась в соответствующий вырез на заднике. В Твери такая обувь имела пик популярности в 1-й пол. XIV в.

Некоторые особенности кроя сапог можно назвать стилевыми или фасонными. Так, различаются подошвы с заостренным, приостренным или округлым носком, а также с асимметричным срезом носка. Подошвы имели разные пропорции длины и ширины в пальцах (*в пучках*), а также глубину выреза или сужения под сводом стопы (*перейма*). Такую профилировку имело большинство подошв для сапог, в отличие от туфель.

Детали сапог были стандартизованы в некоторой степени. У всех головок ширина немного превышает длину, обрез на подъеме был прямым или вогнутым (с язычком или мыском), а боковые обрезы всегда короткие. Силевые различия также видны в соотношениях длины и ширины (максимальная на подъеме), в форме обреза края на подъеме, в полноте носка (радиус скругления). В отдельных случаях на обрезе носка делался вырез, как

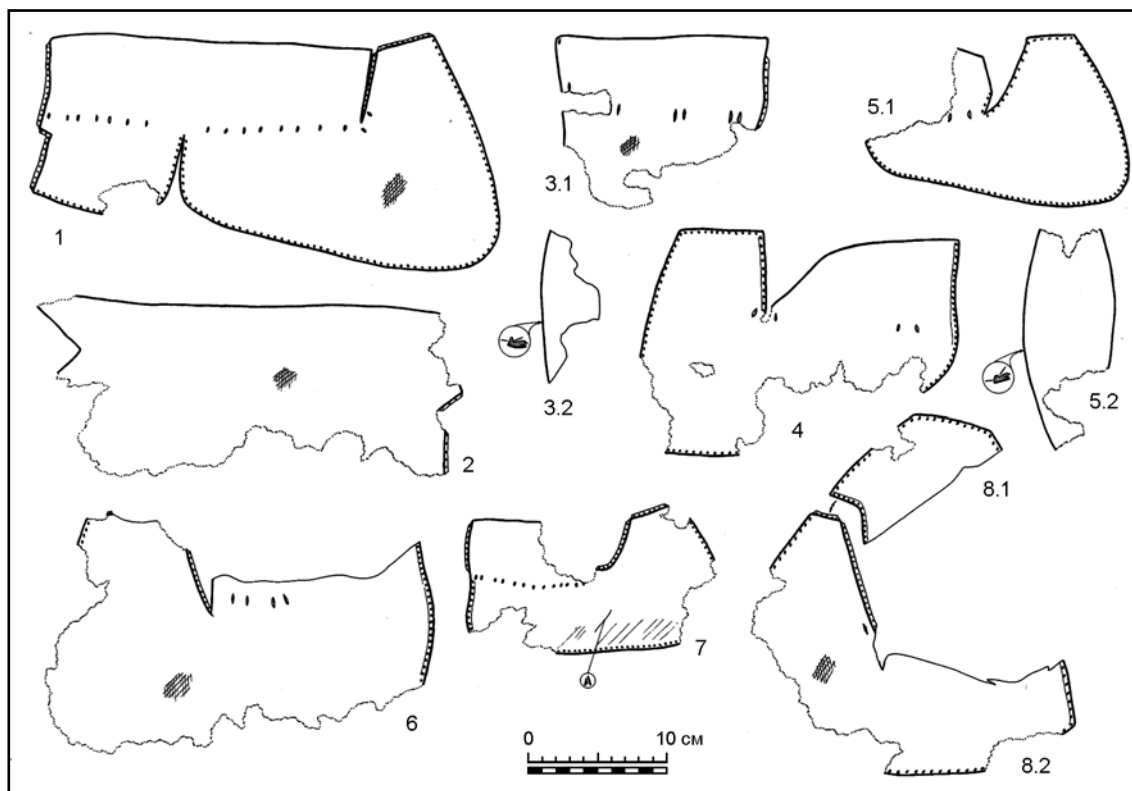

Рис. 2. Рюриково Городище. Наборы деталей мягких туфель симметричного и асимметричного края.

Fig. 2. Rurikovo Gorodishche. Sets of parts of soft shoes with symmetric and asymmetric cut.

у верха туфель, что при сшивании увеличивало «полноту» носка. Для задников также свойственны близкие пропорции, относительно низкие формы, косые боковые и верхние обрезы. Голенища обычно были двухдетальные, расширенные вверх, без обшивки устья, высотой не менее 22—26 см на взрослых моделях.

Время бытования и особой популярности этих сапог, видимо различались в каждом городе. В Твери, например, они имели широкую популярность и массовое употребление в последней четверти XIII — 1-й пол. XIV вв. В более поздних слоях число деталей такой обуви резко уменьшается, а их употребление на фоне других видов обуви становится незначительным. Отмечается вторичное использование сапог с обрезанными голенищами и небрежно прорезанными отверстиями для продевания *обору* — *опорки*. Мягкие сапоги подобной конструкции найдены в Новгороде (в самом городе и на Рюриковом городище), Пскове, Смоленске, Полоцке, Торжке, Торопце. В Берестье они были единственной конструкцией сапог (Лысенко 1985: 296—298, рис. 204, 205).

Поршни — это форма низкой обуви самой простой конструкции, сохранявшаяся в средневековом профессиональном ремесле только на Руси. Как вид «примитивной» обу-

ви, сшитой из одного куска кожи, поршневидные модели бытовали повсеместно, возможно, под разными региональными названиями. Древнерусские поршни кроили из одного куска кожи, края которого стягивали вокруг стопы. Раскройка имела стандартную прямоугольную или трапециевидную форму, расширенную в носке. При сборке обуви передний и задний края стягивались двояко. В первом варианте они складывались «в наклад» и аккуратно сшивались нитью или узким кожаны́м ремешком разными швами — выворотным, тачным или «через край». Во втором варианте края стягивались нитью или ремешком, образуя зигзагообразные складки, края которых затем выравнивали подрезкой. Для удержания обуви на стопе вдоль верхнего края поршня делали короткие вертикальные прорезы, в которые продергивали *обору*. Концы её стягивали и завязывали на пятке или на подъеме стопы. Дополнительную *обору* продевали в два горизонтальных прореза по бокам поршня, рядом с мыщелками. Эта завязка стягивала края поршня через подъем стопы, а затем оба её конца спирально обматывались вокруг голени в противоположных направлениях, фиксируя на голени *онучи* или *ногавицы*.

В городских слоях XIII в. встречаются и «простые», и «ажурные» поршни профессиональ-

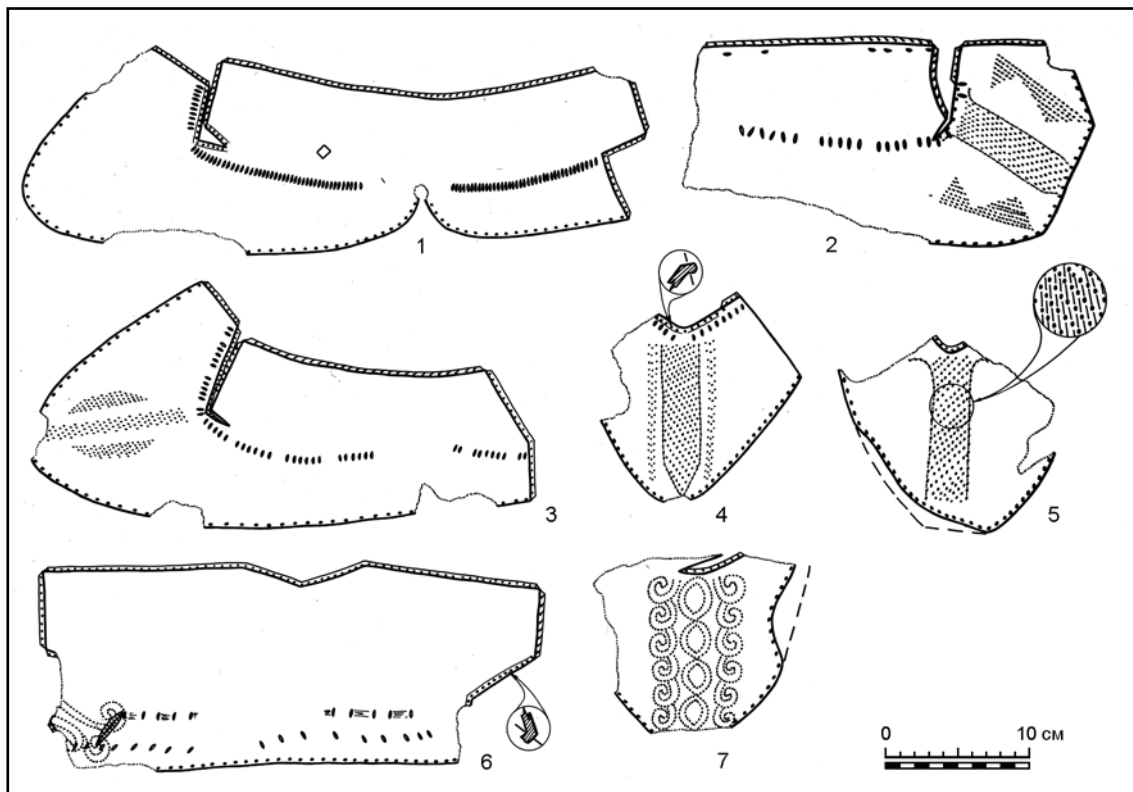

Рис. 3. Полоцк. Раскрой верха мягких туфель.

Fig. 3. Polotsk. Cut of the top of soft shoes.

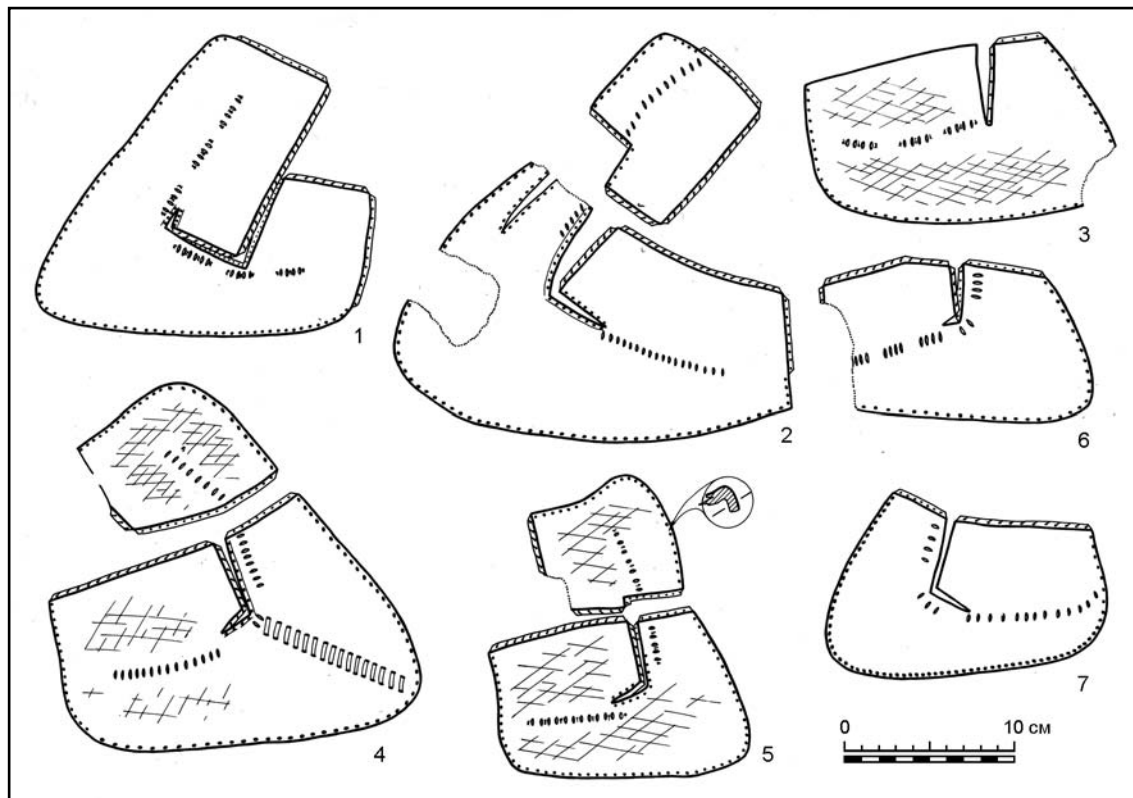

Рис. 4. Полоцк. Верх туфель симметричного края.

Fig. 4. Polotsk. Top of shoes with symmetric cut.

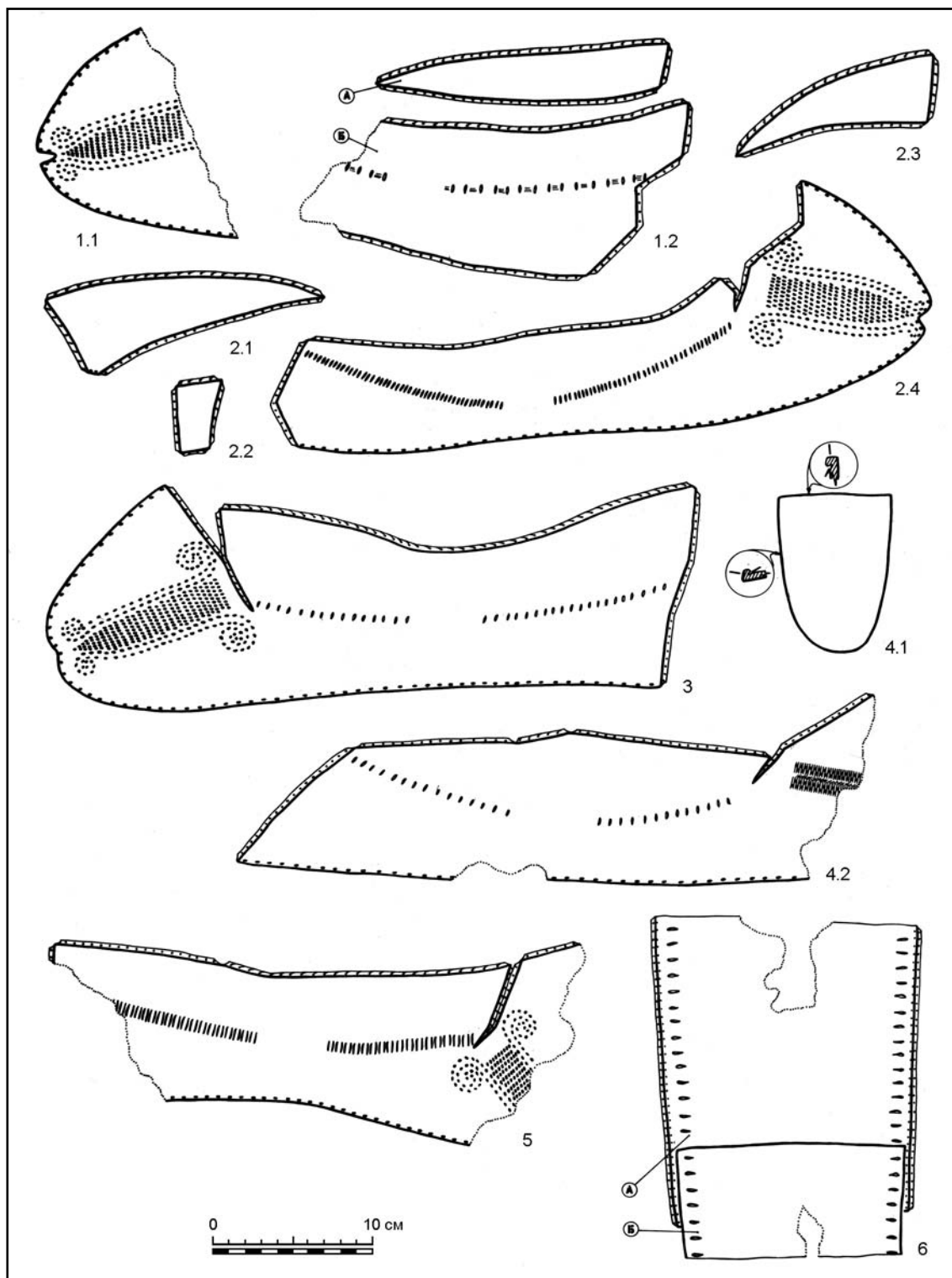

Рис. 5. Тверь. 1—5 — верх туфель асимметричного кроя; 6 — раскройка поршня.

Fig. 5. Tver. 1—5 — top of shoes with asymmetric cut; 6 — cut of carbatina type.

ного пошива. **Поршни «простые»** встречаются практически во всех русских городах, где сохранился средневековый слой с органикой: в Новгороде, на Рюриковом Городище, в Пскове, Торжке, Смоленске, Полоцке, Белоозере, Минске, Берестье, Витебске, Заславле, Москве, Ореш-

ке, Торопце, Гродно, Старой Руссе. При этом не обнаруживается различий в изделиях с X по XIV вв., а также региональных различий. Общую оценку этого вида обуви дают возможность сделать представительные коллекции. Например, в Берестье, в слоях XII—XIV вв.

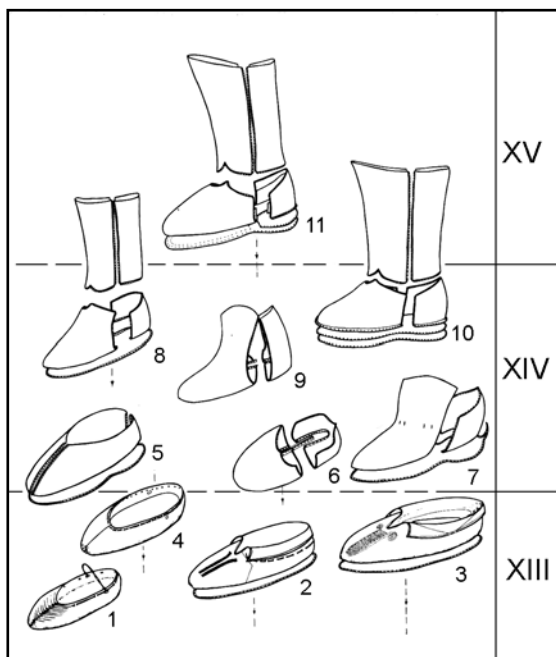

Рис. 6. Формы тверской обуви XIII—XV вв.

Fig. 6. Types of Tver footwear of the 13th—15th centuries.

найлены 35 простых поршней. Их носки и пятки стягивались ремешками, образуя мелкие регулярные складки, края которых подрезаны. По оценке П. Ф. Лысенко, сшитые поршни имели длину 18—32 см. Размеры заготовки для простого поршня превышали длину ступни на 2—5 см, а ширину на 5—10 см (Лысенко 1985: 288).

В Тверском кремле простые поршни происходят из горизонтов последней четверти XIII — 80-х гг. XIV вв. и неравномерно распределены по площади раскопа (рис. 6: 4; 7: 1—3). Они концентрируются на участках 10-х — первой половины 60-х гг. XIV в. Большую часть поршней шили профессиональные обувщики, но есть и непрофессионально пошитые изделия. Для поршней часто использовали кожу, уже бывшую в употреблении — обрезанные голенища сапог и другие изделия. Раскройки трапециевидной и прямоугольной формы имели равномерное расположение аккуратных парных прорезей для оборо. По целым раскройкам определяются размеры стопы пользователей. Среди них преобладали подростки и женщины с длиной стопы не более 24,5 см. Только один предмет мог носить человек со стопой 26 см или более.

Непрофессиональный («домашний») пошив поршней отражен в упрощении раскроя, признаками которого служат: 1) неправильной формы раскройка из обрезка изделия или детали, с сохранившимися швами и редкие, неправильной формы, вырезы под обо-

ры; 2) носок шит кожаны́м ремнем с неровными вырезами для оборо; 3) раскройка трапециевидной формы с расширением в носке и скруглением переднего обреза, имеет редкие и неправильной формы вырезы для оборо (рис. 7: 6). В отдельных случаях можно видеть небрежность края и сшивания краев но, в то же время, можно говорить, что изготовители имели опыт работы с кожаным материалом. Вероятно, в таких случаях небрежность мастеров отражает понимание ими поршня как предмета сугубо функционального. Видимое безразличие к эстетике производимых изделий может соответствовать манере сельского мастера-обувщика, переселившегося в город.

Поршни «ажурные» сохраняют общий принцип раскроя данного вида обуви, но отличаются оформлением носка (рис. 6: 1; 7: 4—5). Под прямым углом к переднему краю раскройки и отступая от него на 1 см, делались 6—8 прорезов длиной 3—5 см, расположенных вдоль боковых обрезов заготовки на расстоянии 0,5—1,0 см друг от друга. Носок стягивал кожаны́й ремешок, спирально проходящий через все эти прорезы. Затем ремешок протягивался сквозь боковые вертикальные короткие прорезы к пятке. Пятка оформлялась двояко: 1) она стягивалась кожаны́м ремешком, как в простых поршнях или 2) в ней делался прямоугольный вырез, а боковые края сшивались между собой кожаны́м ремешком и затем пришивались к подошвенной части поршня.

Ажурные поршни известны во многих древнерусских городах. В Новгороде на Неревском раскопе С. А. Изюмова относила их только к XIII в., хотя в таблице обувных деталей они отмечены под XI в. На Кировском раскопе такие поршни отмечены в слоях XIII в. В Смоленске найдены 1 целый поршень и 5 фрагментов, датируемые от конца XI до сер. XIV вв. Здесь «широкая» датировка могла быть следствием перекопов. Псковские «резные» (т. е. ажурные) поршни Е. И. Оятева относит к XI—XIII вв. В Гродно и Давидгородке поршни обобщенно датированы XII—XIII вв. Ажурные поршни встречены также в Минске, Полоцке и Торопце. В последнем они датируются 40—90-ми гг. XII в. Все 7 ажурных поршней в Тверском кремле и 8 в Берестье датируются XIII — 1-й пол. XIV вв. Размеры тверских изделий показывают, что их носили взрослые женщины с длиной стопы 22,5—25 см (Курбатов 2004: 50). Несмотря на расхождения в датировке комплексов и слоев, содержащих ажурные поршни, определенно видно их доминирова-

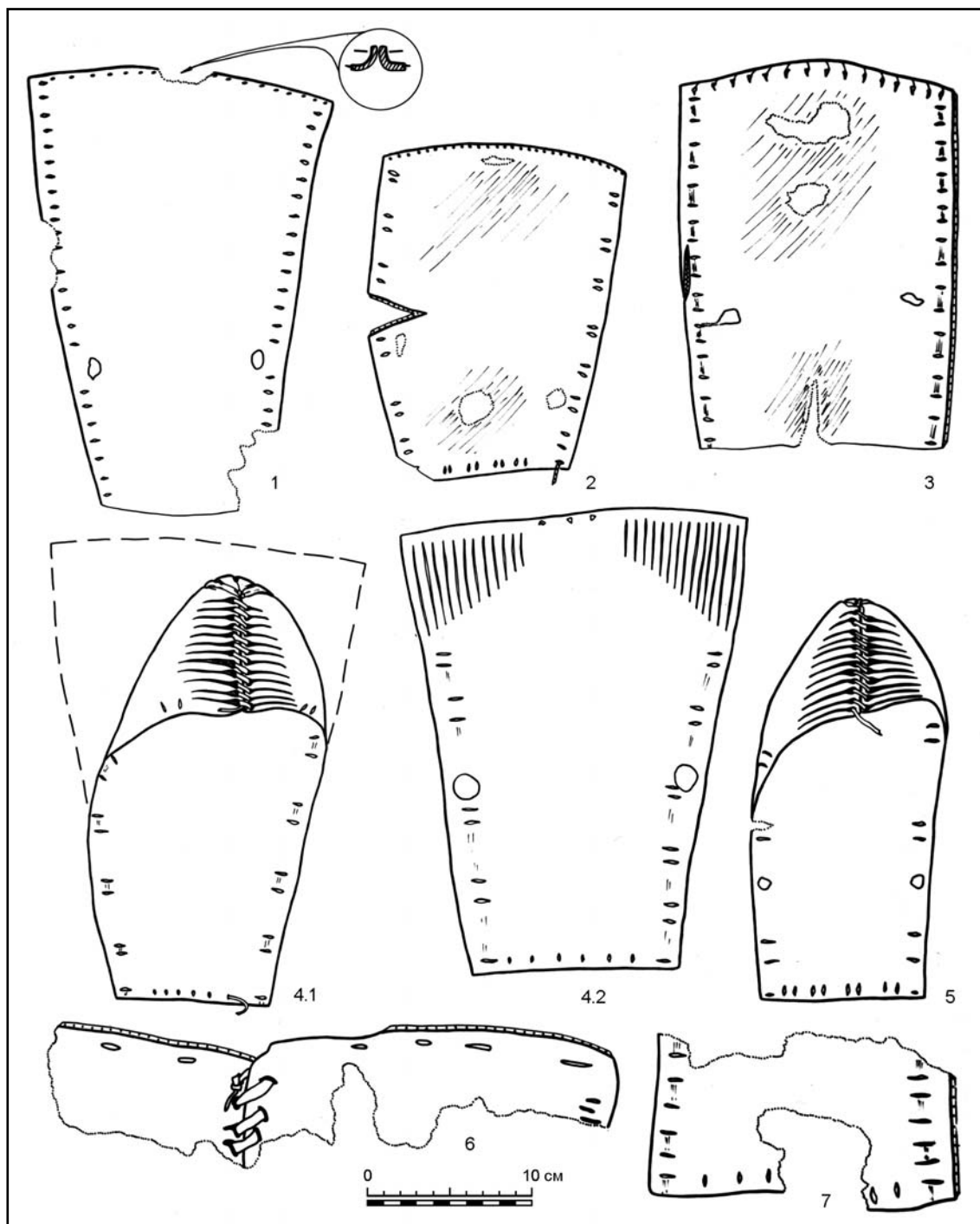

Рис. 7. Тверь. Раскройки простых и «ажурных» поршней.

Fig. 7. Tver. Cuts of simple and 'openwork' carbatinae.

ние в XIII — 1-й пол. XIV вв. Относительная малочисленность таких поршней, по сравнению с простыми поршнями и другими видами обуви, предполагает кратковременную традицию их пошива — своего рода «моду».

«Домашние» или «рабочие» туфли можно реконструировать как обувь из двух основных деталей — головки и задника, со швом на подошве по оси стопы, водонепроницаемость

которого усиливала прокладка из сложенной вдвое полосы кожи. Название этого вида обуви условно, оно отражает простоту конструкции и отсутствие декора, предполагая повседневное её ношение при различных работах. Как особый вид обуви они впервые описаны в материалах из Тверского кремля. По публикациям и натурному осмотру автором они выделены в коллекциях Торопца, Полоцка, Берестя,

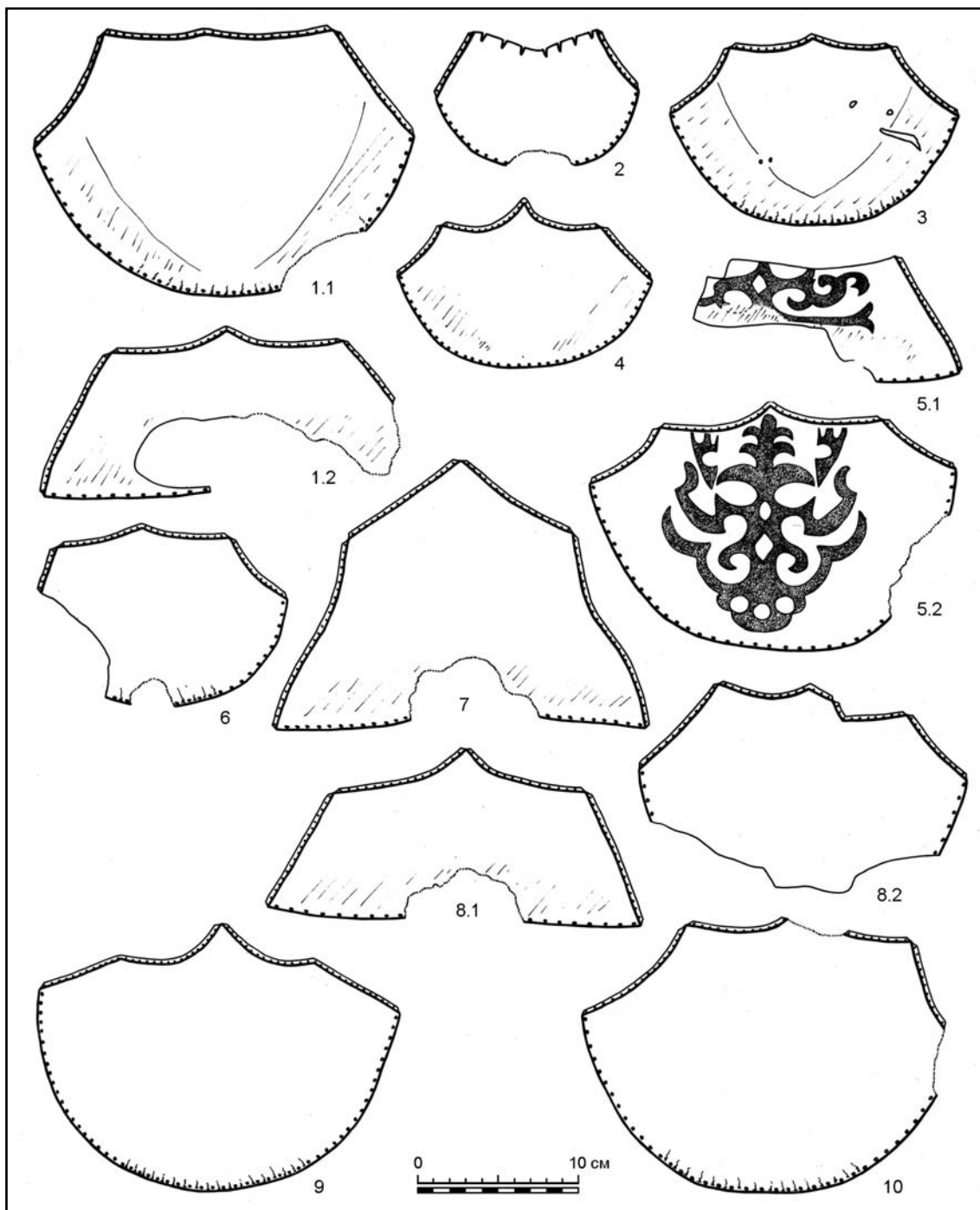

Рис. 8. Тверь. Детали «домашних туфель».

Fig. 8. Tver. Parts of 'home shoes'.

Старой Руссы, Новгорода и Пскова (Курбатов 2004: 47—48). Конструкция таких туфель не известна в странах Западной Европы.

Выделяются модели «домашних туфель» раннего (рис. 1: 1) и позднего вариантов, но они были вместе встречены в материалах первой половины XII в. на Рюриковом городище. Конструкция позднего варианта обуви включает переднюю и заднюю детали, а также кожаную прокладку в подошвенный шов.

Возможное существование других деталей определяется наличием тачных швов на верхнем крае. Форма передней детали напоминает головку сапога, но с важным отличием — ширина ее значительно больше длины, а боковые обрезы имеют тупой угол (около 125°) на стыке с передним обрезом. Характерная стертость внешней (передней) зоны головки говорит, что деталь была одновременно верхом и подошвой. Для герметизации нижне-

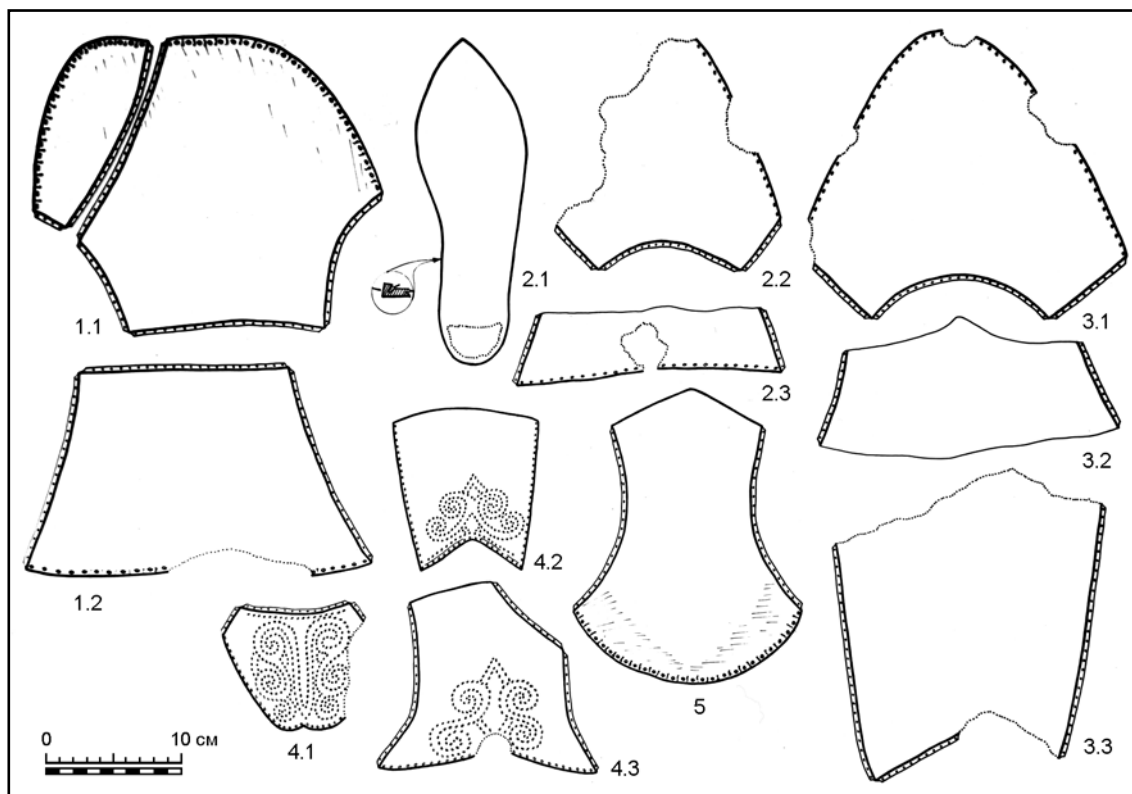

Рис. 9. Тверь. Наборы деталей разных видов обуви.

Fig. 9. Tver. Sets of parts of different kinds of footwear.

го шва служила узкая полоска кожи, сложенная вдвое. Задник также напоминает однотипную деталь сапога, но имеет большую высоту и особую шерстость на «подошве».

В тверской коллекции последней четверти XIII — 1-й пол. XIV вв. «домашние туфли» выступают едва ли не самой популярной формой обуви (рис. 6; 8), количество деталей и обрезков которой значительно превышает другие формы обуви в нижних горизонтах культурного слоя, вплоть до слоев начала 60-х гг. XIV в. При этом найдено мало целых деталей (46 ед.), но очень много обрезков «подошвы». Надо полагать, что в отсутствие отдельно кроеной подошвы истирание зоны «подошвы» заставляло менять всю деталь. Широкий «верх» оставляли для повторного использования, а в отходы шли узкие обрезки «подошвы» и прокладка в шов (Курбатов 2004: 48, рис. 43: 5, табл. 12).

Археологические модели «домашних» туфель сопоставимы с изображениями обуви монахов, простейших по внешнему облику, например, на рисунках из Жития Сергия Радонежского, написанного в конце XVI — нач. XVII вв. (Житие Сергия 1853). Такое сравнение натолкнуло Д. О. Осипова на идею считать данный вид обуви специальной монашеской обувью, неудобство ношения ко-

торой, из-за шва, проходившего по всей длине на «подошве», он считает способом достижения душевной чистоты, к которой стремились средневековые горожане-монахи через истязание плоти (Осипов 2011: 170—171). Принимая такое объяснение, следует заметить, что монахи выбрали не самый надежный путь к достижению душевной чистоты и святости. Выведенные внутрь обуви швы на подошве могли вызывать только легкое неудобство, поскольку кожа обуви эластична и сминается под давлением стопы. Кроме того, внутрь туфли вкладывали войлочные стельки, которые также были найдены при раскопках, в т. ч. непосредственно внутри обуви. Для истязания плоти средневековые монахи знали более действенные способы. Один из них описан в «Повести об Ульянии Осор[ьин]ской» XVII в.: «В сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе... ореховы скорлупы и чрепие острые вместо стелек подкладаше». Другой способ отмечен в Житии Пахомия из Успенского сборника (XII—XIII вв.): «Она же... не обувавши ся никьгда же» (СлРЯ 1987: 176). Сходно и третье описание «подвигов»: «[1663] И в то время онъ бос ходилъ, а подошва у ног его толщиною на три перста наросла и тверда как рог» (СлРЯ 2011: 416).

Следует помнить и то, что сильное количественное преобладание «домашних туфель» в Тверском кремле позволяет считать их самой популярной тверской обувью последней четверти XIII — 1-й пол. XIV вв. Следуя логике Д. О. Осипова, мы должны будем считать монахами большую часть населения древней Твери (Курбагов 2012а: 163).

Мягкие полусапожки. В Тверском кремле были выделены отдельные детали обуви, которая по высоте занимает среднее положение между низкими туфлями и сапогами. В литературе такую обувь называют «полусапожками» и находят в материалах X/XI—XIV вв. ряда русских городов. Конструктивно «полусапожки» соответствуют другим видам обуви, прежде всего сапогам (рис. 6: 9; 9: 4). «Они похожи на обычные сапоги, только с более короткими (без поднаряда) голенищами. Задники полусапожек не были жесткими, так как в них отсутствовала твердая прокладка из кожи, бересты, луба» (Изюмова 1959: 205, 207). В Новгороде отмечены две конструкции изделий:

1) полусапожки, состоящие из вытяжного верха и подошвы, где верх состоял из передней (раскроенная в одну деталь головка с передней половиной голенища) и задней деталей (раскроенный в одну деталь задник с задней половиной голенища); детали верха сшивали с подошвой тачным швом в положении бахтармой вверх, а затем выворачивали;

2) обувь более сложного покроя: с головкой, задником, голенищем и подошвой; голенища сшивались из 2-х половин выворотным или тачным швом; некоторые стягивались ремешком вокруг щиколотки, другие — по верху голенища; подошва пришивалась к верху тачным швом, при этом пятка подошвы могла быть округлой или заостренной вытянутой, вшитой в соответствующий вырез на заднике. Второй фасон «полусапожек», по С. А. Изюмовой, бытовал в X—XIV вв. и служил прототипом настоящих сапог.

В Пскове подобная обувь выделена в слоях, датируемых XI—XII вв., и названа сапогами первого вида (Оятева 1962: 83—86, рис. 5). Здесь различаются вытяжная модель, в которой из одного куска кожи «вытягивают» головку с голенищем и задник с голенищем, а также «полувытяжная», где имеется задник, раскроенный в одну деталь с голенищем и отдельная головка. Один из видов новгородских полусапожек, по Е. И. Оятевой, имел задники с вырезами от нижнего края, в которые вшивалась заостренная пятка подошвы. Такие детали найдены в Пскове только в слоях XI в. (Оятева 1962: 87). Кроме Новгорода и Пскова дет-

ские «вытяжные» сапоги отмечены в Полоцке (Штыхов 1975: 79, рис. 38: 1, 2).

Детали тверских «полусапожек» последней четверти XIII — 1-й пол. XIV вв. принадлежат различным по конструкции моделям и фасонам обуви, большинство которых находит прямые аналогии в названных центрах. Количество таких деталей в общей массе тверских находок невелико. Они выделяются только по целым деталям, поскольку обрезанные предметы легко принять за детали других видов обуви.

Не менее 7 деталей тверских «полусапожек» конструктивно близки высоким вариантам «домашних туфель» (Курбагов 2004: рис. 69: 4; 107: 1—4, 7). Их сближает широкая передняя деталь, сохраняющая по переднему обрезу характерные складки — «смятость» между сшивными отверстиями, а также широкая полоса стертости по обоим краям «головки» (рис. 9: 5). Детали имеют сужение у подъема стопы и незначительное расширение к устью голенища. Общее для них — это отсутствие следов применения обор или других элементов крепления обуви на ноге. По этому признаку в данную группу можно было бы включить три задние половины голенищ, происходящие из одного комплекса, раскроенные в одну деталь с задником и сильно расширенные книзу (Курбагов 2004: рис. 70: 2, 4, 8; 108). Детали, близкие тверским по крою, отмечены в Минске (Загорюльский 1982: 267—268, рис. 170: 2), Новгороде (Изюмова 1959: 205—206, рис. 5: 1), Полоцке (Штыхов 1975: 79, рис. 38: 1—2) и, как «сапоги первого вида», в Пскове (Оятева 1962: 83—87, рис. 5).

Вторую группу тверских «полусапожек», по конструкции, можно считать сапогами с коротким голенищем, для которых характерно стягивание кожаным ремешком голенища на уровне лодыжки (рис. 9: 4). К ним относятся детали голенищ с прорезами для обор в нижней части, а также и другие короткие голенища с кожаными ремешками и без них. Такие «полусапожки» можно с большим основанием назвать формой сапог малых размеров — для подростков, и рассматривать совместно с моделями других сапог, как это сделала Е. И. Оятева.

Коллекция обуви из Тверского кремля позволяет увидеть, что на Руси во 2-й пол. XIII в. происходит своеобразное изменение основных обувных конструкций (Курбагов 2004: 71—72). Собрание делится на две хронологические группы: большая датируется с 80-х гг. XIII в. по 1327 г., а меньшая охватывает период с 1327 г. до сер. XV в. Внутри этих групп состав кожаных предметов унифицирован

и на более короткие хронологические отрезки не разделяется. В ранний период преобладают формы низкой обуви: туфли — в основном с расшивкой, «домашние туфли» и поршни, а также различные по крою низкие сапоги или «полусапожки». Во второй период (со 2-й четверти XIV в.) процент этих форм мягкой обуви резко сокращается. Стали преобладать относительно высокие сапоги, не доходящие до колен, с сандальным или потайным основными швами. Расшивка обуви встречается редко.

В это время уже отчетливо проявились технологические изменения в выделке кожи. В пошиве обуви использовалась более толстая и прочная кожа, что сказалось и на технике раскроя и пошива. Это особенно ощутимо для подошв, кожу которых можно назвать жесткой и необычно плотной, по сравнению с кожей верха. Сегодня можно определенно говорить, что существенное изменение в выделке кож в Новгородской земле и Поволжье произошло во 2-й пол. XIII в., когда в процесс выделки кож начали внедрять кислоты. Стадия киселевания служила для размягчения шкур перед дублением и их качественно обеззоления. Вместе с этим, дифференцированный подход к дублению разных сортов кож и вариативность режимов на каждой стадии выделки позволили ремесленникам производить более широкий сортамент кож разного качества и назначения. Широко стали использовать толстые шкуры взрослых особей крупного рогатого скота — яловку и бычину. Кожевенный товар разделяли на подошвенный, для верха обуви, для фурнитуры, кожгалантереи и шорный. Эти инновации кожевник-технолог Г. Поварнин связывал с влиянием стран Востока (Курбатов 2001: 205—207).

Археологически подтверждается появление новой конструктивной схемы обуви, синхронной появлению киселей в городах Поволжья. Впервые это отмечено на основе изучения коллекции кожаных находок из раскопок на южной границе Тверского кремля в 1985 г. (Курбатов 1994: 190—193). Здесь зафиксировано наиболее раннее появление обуви с подошвой, пришиваемой к верху швом «в подтай», который расположен на внутренней стороне детали (рис. 6: 11). Они найдены в нижнем горизонте застройки, по серии спилов датированном концом XIII — первой четвертью XIV вв., но более объективный взгляд на археологические условия обнаружения вещей заставляет склоняться к более позднему времени — сер. XIV в. Такая же конструкция, отмеченная в Новгороде и Пскове с XIV в., по-

лучила название «жесткой» (Оятева 1962: 87; Рабинович 1986: 89).

Декоративная отделка кожи и кожаных изделий

В русском средневековье можно выделить два периода — домонгольский и золотоордынский. В ранний период был выработан собственный стиль декора обуви. Он лежал в русле основных тенденций, прослеженных в изделиях европейского ремесла. Для конца XI — XII вв. можно рассматривать материалы Рюрикова Городища и Старой Руссы, для которых уже характерно использование кожи с тиснением поверхности, нанесенным на заключительном этапе выделки сырья. Из неё, вероятно, шили изделия разного назначения. Расшивной декор растительной нитью встречен только на двух моделях мягкой туфли с Рюрикова Городища. Это симметричные раскройки туфли с одним рядом продольных декоративных стежков по оси головки. На одной из них дополнительно есть расшитые треугольники. Декоративность другим моделям придавали только тиснение кожи и фасон обуви, куда можно относить расположение и число прорезей для обор, а также обшивку верхнего края (Курбатов 2007: 95).

В Старой Руссе ранние находки, датированные 2-й пол. XI—XII вв., встречены на Борисоглебском XVI раскопе. Некоторые из мягких туфель также имели расшивку. Однако, судя по предварительной публикации, декор здесь не был проанализирован в плане типологии и статистики, поэтому остается неясным, в какой мере можно судить о декоре именно изделий XI в. (Антропова, Торопова 2001: 251).

Расшивной декор кожаной обуви в древнерусских городах, видимо, становится постоянным со 2-й пол. — конца XII в. Для этого времени показательна коллекция из Полоцка (Курбатов 1999). Декор отмечен на мягких туфлях и чехлах для ножей. Он присутствует на 25 из 38 моделей туфель и различается по технике нанесения (рис. 3; 4). Выделены: 1) диагональное тиснение кожи верха туфель линиями крест-накрест, своего рода «сеточка»; 2) полоса шириной 1,0—1,3 см по продольной оси носка, образованная диагональными отрезками спирально навитой вальцованной железной проволоки (ленты?) шириной 1,5—2,0 мм; 3) *продёржка*, имевшая вид парных полос с частыми прорезами (через 1—1,5 мм), сквозь которые в шахматном порядке продернуты узкие (1,5—2 мм) кожаные ремешки; 4) расшивка обуви цветными нитями. Последний вид декора наиболее

многочислен и дает разнообразные мотивы — многорядную *прошивку*, завитки, геометрические элементы, а также сочетается с *продёржкой*. Из 13 вариантов декора наиболее представительны линование «сеточка» (6 экз.), одна из простейших форм *прошивы* (4) и *прошивка* металлической лентой (3). Сочетание *прошивы* с *продёржкой* и расшивными геометрическими фигурами встречено 2 раза. Другие варианты декора присутствуют в единичных моделях.

Расцвет декоративного оформления мягкой обуви в древнерусских городах относится к XIII — 1-й пол. XIV вв., т. е. к ордынскому периоду русской истории. Для этого времени служит эталоном собрание кожаных предметов из Тверского кремля (Курбатов 2004: 66). Для тверских туфель характерно использование для верха тисненой кожи — «под овсянку», «чешуя» или «сеточка». Основным приемом декора была расшивка носка и боковин туфель цветной растительной нитью (рис. 5). Чаше других встречаются варианты расшивки «дорожкой» — *прошивой*, нередко в сочетании с вытянутыми треугольниками. Также широко используется *продёржка* — протягивание тонких кожаных ремешков сквозь частые прорезы по оси носка. Оформление тверских туфель имеет большое сходство с изделиями в городах западно-русских земель — в Смоленске и Берестье. Но оно находит аналогии и в других русских городах, например, в Новгороде и Белоозере (Полонская 1991: 108—110; Лысенко 1985: 288—296; Изюмова 1959: рис. 4: 10, 11; Оятева 1973: рис. 73: 2). Надо полагать, что дальнейшее накопление материала и его обработка по единой методике, выделение преобладающих мотивов расшивки, поможет наметить региональные различия в декоре обуви отдельных городов, присутствующие и в декоре обуви средневековой Твери.

Расшивку можно назвать элементом средневековой моды, единой для всех русских городов, где она сохраняется значительно дольше, чем в других странах Европы. Например, в Польше, по материалам Гданьска, расшивка обуви исчезает во 2-й пол. XII в. (Samsonowicz 1982: rys. 40). Такое же положение наблюдается в Центральной Европе и Англии. Только в Скандинавии богатый декор, включая расшивку, сохранялся на обуви дольше — до сер. XIII в. Ю. Свенн назвала этот период «элегантным», поскольку скандинавская обувь отличалась прекрасной вышивкой на головке, горловине и иногда вокруг всего верхнего края. При этом в каждом городе доминировали свои особые формы деко-

ра. В Трондхейме расшивку делали в основном пеньковой (из конопли) нитью, хотя сохранялось и широкое использование шелковой нити, как результат транзитной торговли с Византийской империей. Основным элементом расшивки здесь — это полоса по оси носка, содержащая 2—4 или 6 рядов стежков различного цвета. Иногда посередине головки делались отверстия с вышивкой вокруг них. Норвежские туфли включали короткие косые линии вдоль горловины и на внешней стороне стопы, или вырезной растительный декор. Большинство туфель в Бергене имели сложные сюжеты, включая зигзаги, полукруги, треугольники, плетенки (Swann 2001: 60).

Для поршней своеобразным видом декора служили поперечные прорезы по верху носка, придававшие обуви «ажурность» (рис. 6; 7). «Ажурные» поршни известны в городах многих княжеств Древней Руси. Судя по размерам, их носило только взрослое население — повседневно или в праздники. В целом же, нахождение относительно малочисленных «ажурных» поршней в близких по времени слоях и комплексах XIII — 1-й пол. XIV вв. позволяет предполагать, что традиция их пошива была относительно короткой и отражала высшую стадию моделирования и декора этого вида древнерусской обуви.

На других видах обуви декор встречается значительно реже. В Тверском кремле найден один обрезок голенища взрослого сапога с расшивкой и набор из 4 деталей от двух низких детских сапожков (или полусапог) с расшивкой по голенищу и головке (рис. 9: 4), а также фрагмент задника с расшивкой металлической вальцованной нитью (рис. 10: 12). Последняя находка сопоставима с задником сапога из слоя нач. XIV в. на Кировском раскопе в Новгороде, также имевшем растительный орнамент, вышитый тончайшей бронзовой проволокой (Колчин, Рыбина 1982: 217).

«Домашние» или «рабочие туфли», как правило, не имели специальной декоративной отделки, если не считать тиснение самой кожи «сеточкой». Уникальный образец декора найден только на одной модели (рис. 8: 5). Среднюю зону головки и задника занимал симметричный узор из стилизованных растений, выполненный методом выскабливания мерей. Но следует отметить, что этот технический прием создания контрастной поверхности не был характерен для древнерусского кожевенного ремесла. В то же время он был широко распространен в странах Западной Европы, как декор обуви и других изделий, например в Лондоне (Grew, de Neergaard 1988:

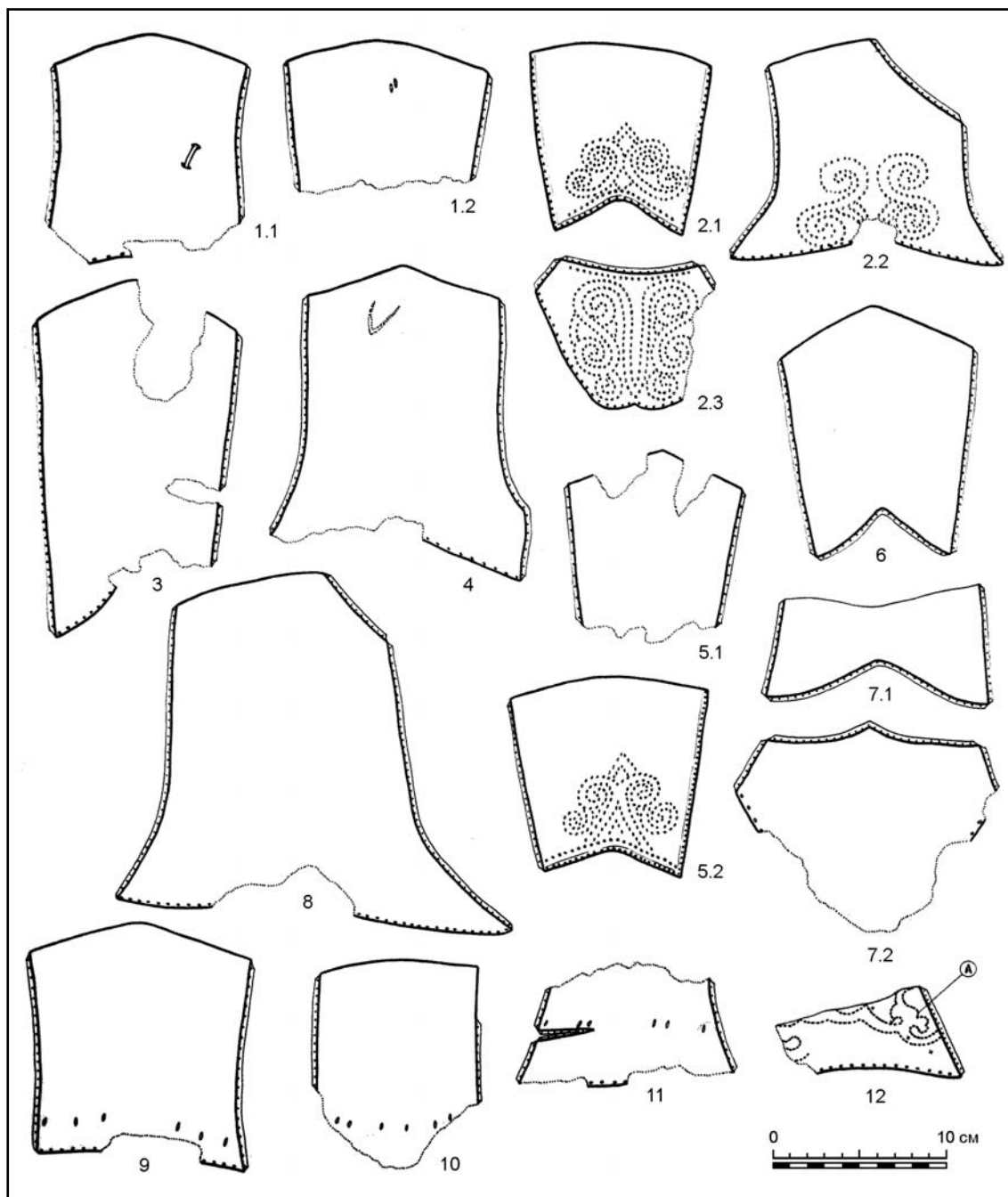

Рис. 10. Тверь. Детали верха сапог и полусапожек.

Fig. 10. Tver. Parts of tops of high boots and bootees.

83—87). Однако мотивы орнамента тверской туфли сильно отличаются от западных растительных и геометрических узоров.

Расшивка встречается и на других изделиях, например, на чехлах ножей, где она могла быть выполнена вальцованной металлической нитью, а также на изделиях неопределенного назначения. Надо отметить чехол для ножа, с широким боковым выступом, прошитый по краю вальцованной железной нитью в две строчки, и чехол для миниатюрных ножниц или двузубой вилки, найден-

ные в Полоцке (Курбатов 1999: рис. 13; 14). Двойная строчка по боковой стороне сделана вальцованной проволокой. Сплошная (без прерывания стежков) строчка этого шва при использовании одной проволоочной нити достигается смещением стежков лицевой и оборотной сторон на полшага относительно друг друга, с возвратом нити в предыдущее отверстие стежка при прохождении её сквозь толщу кожи. Прошивка здесь повторяет декоративные завитки на боковом обрезе. Чехол крепился на поясе тонким ремешком, вшитым в вер-

Рис. 11. Полоцк. Реставрированный чехол для ножниц (фото автора).

Fig. 11. Polotsk. Reconstructed scissor case (photo by the author).

нюю часть чехла, и дополнительно скреплялся двумя заклепками (рис. 11). Подобный чехол для ножа с эсвидными вышивками металлической нитью на боковом выступе найден

в Новгороде, на усадьбе художника Олисея Гречина 2-й пол. XII — нач. XIII вв. (Колчин, Хорошев, Янин 1981: 93, рис. 44: 1).

Среди других видов декора в Твери встречаются детали и обрезки с тисненым растительным узором, выполненным широким (4—5 мм) выпуклым оттиском нити или ремешка с оборотной (бахтармяной) стороны, подобно кошельку XIII в. из Новгорода (Колчин и др. 1985: №285). Кроме того, особую декоративность кожаным изделиям придавали дополнительные детали: обшивка краев сложенной вдвое узкой полосой кожи и накладные металлические детали, а также виды декора, встречаемые реже — это фигурный обрез края детали, нашивная и приклепанная кожаная аппликация, тонкое тиснение. Редкие образцы вырезного декора найдены в Тверском кремле только в обрезках и негативах от раскроя.

Встреченные мотивы растительных узоров расшивки обуви и других изделий перекликаются с декором на различных изделиях прикладного искусства и бытовых предметах, например, в Новгороде — на фрагменте бронзовой ризы с иконы 2-й пол. XII в., металлических имитациях чехлов для ножей (Колчин и др. 1985: №63, 117), костяных и деревянных предметах.

Появление на кожаных изделиях некоторых мотивов декора в XIII—XIV вв. можно связывать с влиянием культуры Востока, привнесенной на русскую почву после монголо-татарских завоеваний. К ним следует относить расшивку головок сапог, мотивы, полученные выскабливанием мереи, и аппликацию, найденные в Тверском кремле. Последний способ был характерным для декора кожи у скотоводческих племен, по меньшей мере, со скифской эпохи.

Выводы

Комплексный анализ источников по кожевенному делу средневековой Руси позволяет говорить, что монголо-татарское завоевание оказало позитивное влияние на технологическую сторону кожевенного производства, на формирование новых конструкций обуви и других кожаных изделий, а также на развитие декора кожаных изделий на Руси.

Археологические материалы XIV—XV вв. показывают изменения в основных видах обуви в русских городах. Абсолютно доминирующими становятся сапоги, тогда как ажурные поршни и мягкие низкие туфли выходят из употребления в XIV в. и в комплексах XV—XVI вв. уже не встречаются.

В конструкции сапог, кроме употребления более толстой кожи и шва «в подтай», виден ряд технических и декоративных новшеств. Это наличие внутренних деталей (поднарядов и кармана задника с набором кожаных и берестяных вставок, серии подпяточных подкладок), загнутый вверх ившитый в вырез головки удлиненный заостренный носок подошвы, поперечное тиснение головки, обшивка верха голенища цветной тканью (?), декоративные вырезы на голенище. Эти элементы не были известны на Западе, по крайней мере,

в том виде, в каком мы их находим в русских городах, но прослеживаются по разным источникам в азиатских странах (Курбатов 2001: 205—207).

Монголо-татарское завоевание повлияло и на формирование новых обувных конструкций в странах Восточной Европы. В русских городах это вылилось в развитие модели высокого сапога как основной формы обуви с XIV в., которая с этого же времени получает широкое распространение в городах Польши (Wiklak 1969: 217—219).

Литература

- Антропова Я. В. 2004. Коллекция кожаных изделий Георгиевского раскопа в Старой Руссе. *ННЗИА* 18, 283—292.
- Антропова Я. В., Торопова Е. В. 2001. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследований. *ННЗИА* 15, 245—257.
- Асташова Н. И. 1999. Хронология смоленских древностей. *Труды ГИМ* 111, 111—119.
- Баллод Ф. В. 1923. *Приволжские «Помпеи» (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратово-Царицынской приволжской полосы)*. Москва; Петроград: Госиздат.
- Беляев Л. А. 2000. XIII век в московском зеркале: начало или продолжение? В: Чернецов А. В., Макаров Н. А. (отв. ред.). *Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?* ТДНК: Москва, 14—16 ноября 2000 г. Москва: ИА РАН, 14—17.
- Борисов Н. С. 1976. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру. *Проблемы истории СССР* V. Москва: МГУ, 129—148.
- Вознесенская Г. А. 2014. Археометаллография в изучении кузнечного производства Южной Руси. В: Толочко П. П. (ред.). *Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи*. Київ: Стародавній світ, 217—224.
- Воронин Н. Н. 1954. *Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.)*. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III. МИА 41. Москва: АН СССР.
- Голубева Л. А. 1973. *Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв.* Москва: Наука.
- Григорьев Д. Н. 2008. Раскоп 2007 г. на Нижегородской ул. г. Владимира. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Археология Владимиро-Суздальской земли 2*. Материалы научного семинара. Москва: ИА РАН, 92—103.
- Житие Сергия 1853: *Житие Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия Радонежского и всяя России Чудотворца*. 1853. Сергиев Посад: Троице-Сергиева лавра.
- Загорюльский Э. М. 1982. *Возникновение Минска*. Минск: БГУ.
- Зубкова Е. С. 2011. Следы кожевенного ремесла в Старом Застенье средневекового Пскова по материалам раскопок на ул. Ленина. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Древности Пскова. Археология. История. Архитектура* 2. Псков: ПГОИАХМЗ, 92—110.
- Ивакин Г. Ю. 2000. Киев и монгольское нашествие. В: Чернецов А. В., Макаров Н. А. (отв. ред.). *Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?* ТДНК. Москва: ИА РАН, 47—49.
- Изюмова С. А. 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. *МИА* 65, 192—222.
- Калан Э. 2012. *Улус Джучи (Золотая Орда) и страны Востока: торгово-экономические взаимодействия во второй половине XIII—XIV вв.* Казань: Яз; Институт истории АН РТ.
- Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В. 1997. Кожаные изделия средневекового Орешка. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии* 1. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919—1997. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Псков: ПГОИАХМЗ, 270—280.
- Козлова А. В. 2006. *Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территориях*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Колчин Б. А. 1958. Хронология новгородских древностей. *СА* (2), 92—111.
- Колчин Б. А. 1969. Ремесло. В: Арциховский А. В. (гл. ред.). *Очерки русской культуры XIII—XV вв.* Ч. 1. Москва: МГУ, 156—230.
- Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей. В: Колчин. Б. А., Янин В. Л. (общ. ред.). *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. Москва: Наука, 156—177.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. 1981. *Усадьба новгородского художника XII в.* Москва: Наука.
- Колчин Б. А., Рыбина Е. А. 1982. Раскоп на улице Кирова. В: Колчин. Б. А., Янин В. Л. (общ. ред.). *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. Москва: Наука, 178—238.
- Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. (сост.). 1985. *Древний Новгород: прикладное искусство и археология*. Альбом. Москва: Искусство.
- Крамаровский М. Г. 1974. *Торевтика Золотой Орды XIII—XV вв. (по материалам Государственного Эрмитажа)*. Автореф... канд. ист. наук. Ленинград.
- Курбатов А. В. 1992. Рец.: F. Grew & de Neergaard, 1988. *Shoes and pattens. Medieval finds from excavations in London: 2*. London. *PA* (4), 220—224.
- Курбатов А. В. 1994. Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах. *ТАС* 1, 189—195.
- Курбатов А. В. 1999. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка. В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Раннесредневековые древности Северной Руси*

- и ее соседней. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 100—117.
- Курбатов А. В. 2001. Культурные влияния Востока в кожевенном производстве средневековой Руси. В: Сташенков Д. А. (отв. ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма)* 2. Самара: СОИКМ, 197—210.
- Курбатов А. В. 2004. *Кожевенное производство Твери XIII—XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993—1997 гг.)*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Курбатов А. В. 2006. Кожаные предметы из раскопок IVA и XIV на ул. Ленина. В: Лабутина И. К. (отв. ред.). *АИППЗ LI*, Псков, 87—112.
- Курбатов А. В. 2007. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле. В: Носов Е. Н., Мусин А. Е. (отв. ред.). *У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Юрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции*. Историко-археологический сборник. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 89—133.
- Курбатов А. В. 2008а. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Археология Владимиро-Суздальской земли* 2. Москва: ИА РАН, 171—190.
- Курбатов А. В. 2008б. Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России. В: Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). *Труды II (XVIII) ВАС в Суздале 2008 г.* II. Москва: ИА РАН, 472—476.
- Курбатов А. В. 2012а. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России. *АВ* 18, 162—173.
- Курбатов А. В. 2012б. *Кожевенное ремесло в средневековой России*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Курбатов А. В. 2015. Обувная мода в средневековой Руси. *ТАС* 10 (II), 467—495.
- Ланда Р. Г. 1995. *Ислам в истории России*. Москва: Институт востоковедения РАН.
- Лапшин В. А. 2009. *Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.)*. Труды ИИМК РАН XXX. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- Лелеков Л. А. 1978. *Искусство Древней Руси и Восток*. Москва: Советский художник.
- Лесман Ю. М. 1994. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей. В: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.). *Новгородские археологические чтения*. Материалы науч. конф. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 187—193.
- Лушников О. В. 2009. *Монгольская империя в историографии XVIII—XX вв.* Казань: Фэн.
- Лысенко П. Ф. 1974. *Города Туровской земли*. Минск: Наука и техника.
- Лысенко П. Ф. 1985. *Берестье*. Минск: Наука и техника.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Зайцева И. Д. 2000. Сельские поселения на Кубенском озере в XII—XIII вв. — от расцвета к запустению. В: Чернецов А. В., Макаров Н. А. (отв. ред.). *Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?* ТДНК. Москва: ИА РАН, 65—72.
- Макаров Н. А. 2003. Русь в XIII веке: характер культурных изменений. В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Русь в XIII веке: Древности тёмного времени*. Москва: Наука, 5—11.
- Макарова Т. И. 1998. *Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы. XIV век. Облачение митрополита Алексея*. Москва: Наука.
- Муравьева Л. Л. 1973. Духовная культура Северо-Восточной Руси (XIV — первой половины XV вв.). *ВИ* (10), 111—127.
- Орлова М. А. 1997. О группе произведений древнерусского серебряного дела конца XIV — начала XV века (к проблеме генезиса стиля орнамента). В: Лившиц Л. И. (отв. ред.). *Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 148—169.
- Осипов Д. О. 2007. Обувь и другие изделия из кожи, найденные при раскопках в исторической части г. Владимира. В: Макаров Н. А. (отв. ред.). *Археология Владимиро-Суздальской земли* 1. Москва: ИА РАН, 134—144.
- Осипов Д. О. 2011. К вопросу о так называемых «комнатных туфлях». В: Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). *Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда II. Великий Новгород-Старая Русса, 2011 г.* Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: ИИМК, 170—171.
- Осипов Д. О. 2012. *Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X—XVII вв. (Комплексное исследование)*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Осипов Д. О. 2014. *Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле)*. Москва: Актеон.
- Оятева Е. И. 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова. *АСГЭ* 4, 77—94.
- Оятева Е. И. 1973. Белозерская кожаная обувь. В: Голубева Л. А. *Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв.* Москва: Наука, 199—205.
- Панова Т. Д. 2000. Москва и монгольское нашествие: характер культурного слоя Кремля XIII в. В: Чернецов А. В., Макаров Н. А. (отв. ред.). *Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?* ТДНК. Москва: ИА РАН, 78—79.
- Полонская М. Ю. 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска. В: Авдусин Д. А. (отв. ред.). *Смоленск и Гнездово. К истории древнерусского города*. Москва: МГУ, 105—124.
- Полубояринова М. Д. 1978. *Русские люди в Золотой Орде*. Москва: Наука.
- Рабинович М. Г. 1986. Одежда русских XIII—XVII вв. В: Рабинович М. Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 63—111.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло Древней Руси*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- СРЯ 1987: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* 1987. Вып. 12. Москва: Наука.
- СРЯ 2011: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* 2011. Вып. 29. Москва: Наука.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.
- Хакимов Р. С. 2005. *Метаморфозы духа. К вопросу о тюрко-татарской цивилизации*. Казань: Идел-Пресс.
- Хара-Даван Э. 1991. *Чингис-хан как полководец и его наследие*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Черепнин Л. В. 1977. Монголо-татары на Руси (XIII в.). В: Тихвинский С. Л. (отв. ред.). *Татаро-монголы в Азии и Европе*. 2-е изд. Москва: Наука, 186—209.
- Чернецов А. В. 1997. Связи средневековой Руси с Востоком: некоторые проблемы и перспективы изучения. В: Чернецов А. В. (отв. ред.). *Истоки русской культуры (археология и лингвистика)*. Москва: Русский мир, 145—162.
- Чернецов А. В. 2003. К проблеме оценки исторического

№5. 2016

- значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа. В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. Москва: Наука, 12—17.
- Черных Н. Б. 1965. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера. В: Колчин Б. А. (под общ. ред.). *Археология и естественные науки*. Москва: Наука, 86—90.
- Штыхов Г. В. 1975. *Древний Полоцк. IX—XIII вв.* Минск: Наука и техника.
- Щапова Ю. Л. 1972. *Стекло Киевской Руси*. Москва: МГУ.
- Grew F., de Neergaard M. 1988. *Shoes and pattens*. Medieval finds from excavation in London 2. London: Museum of London.
- Samsonowicz A. 1982. Wytwórczość skórzana w Polsce wczesnofeudalnej. *Studia i materiały z historii kultury materialnej* LIV. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Swann J. 2001. *History of Footwear in Norway, Sweden and Finland*. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
- Wiklak H. 1969. Polskie obuwie wczesnośredniowieczne z VIII—XIII w. na podstawie wykopalisk. *Materiały Wczesnośredniowieczne* VI. Wrocław; Warszawa; Kraków: Polska Akademia Nauk, 475—517.

References

- Antropova, Ya. V. 2004. In *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkhologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 18, 283—292 (in Russian).
- Antropova, Ya. V., Toropova, E. V. 2001. In *Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkhologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 15, 245—257 (in Russian).
- Astashova, N. I. 1999. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 111, 111—119 (in Russian).
- Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie «Pompei» (Opyt khudozhestvenno-arkheologicheskogo obsledovaniia chasti pravoberezhnoi Saratovo-Tsaritsynskoi privolzhskoi polosy) (Pompeii in the Volga Area: an Essay of Artistic and Archaeological Survey of a Part of the Right Bank of the Volga River in the Saratov and Tsaritsyn Region)*. Moscow; Petrograd: "Gosizdat" Publ. (in Russian).
- Beliaev, L. A. 2000. In Chernetsov, A. V., Makarov, N. A. (eds.). *Rus' v XIII veke: kontinuitet ili razryv traditsii? (Russia in 13th Century: Continuity or Discontinuity of Traditions?)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 14—17 (in Russian).
- Borisov, N. S. 1976. In *Problemy istorii SSSR (Problems of the History of the USSR)* V. Moscow: Moscow State University, 129—148 (in Russian).
- Voznesenskaia, G. A. 2014. In Tolochko, P. P. (ed.). *Mista Davn'oi Rusi (Towns of Ancient Rus)*. Kiev: "Starodavniy svit" Publ., 217—224 (in Russian).
- Voronin, N. N. 1954. *Drevnee Grodno (po materialam arkhologicheskikh raskopok 1932—1949 gg.) (Ancient Grodno: (by materials of archaeological excavations in 1932—1949))*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii drevnerusskikh gorodov (Materials and Research on the Archaeology of Ancient Russian Towns)* III; *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 41. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Golubeva, L. A. 1973. *Ves' i slaviane na Belom ozere X—XIII vv. (Ves' and Slavs on Beloe Lake in 10th—13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Grigor'ev, D. N. 2008. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiiia Vladimiro-Suzdal'skoi zemli. (Materialy nauchnogo seminar) (Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land: Materials of the Seminar)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 92—103 (in Russian).
- Zhitie Prepodobnogo i Bogonosnogo Ottsa nashego Sergiia Radonezhskogo i vseia Rossii Chudotvortsia (Life of the Reverend and God-bearing Our Father Sergius of Radonezh and Wonderworker of All Russia)*. 1853. Sergiev Posad: the Trinity Lavra of St. Sergius (in Russian).
- Zagorul'skii, E. M. 1982. *Voznikovenie Minska (Emergence of Minsk)*. Minsk: Belorussian State University (in Russian).
- Zubkova, E. S. 2011. In Yanin, V. L. (ed.). *Drevnosti Pskova. Arkheologiiia. Istoriia. Arkhitektura (Antiquities of Pskov: Archaeology, History, Architecture)* 2. Pskov: Pskov Historical, Architectural and Art Museum Complex, 92—110 (in Russian).
- Ivakin, G. Yu. 2000. In Chernetsov, A. V., Makarov, N. A. (eds.). *Rus' v XIII veke: kontinuitet ili razryv traditsii? (Russia in 13th Century: Continuity or Discontinuity of Traditions?)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 47—49 (in Russian).
- Iziumova, S. A. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65, 192—222 (in Russian).
- Kalan, E. 2012. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda) i strany Vostoka: torgovo-ekonomicheskie vzaimodeistviia vo vtoroi polovine XIII—XIV vv. (Jochid Ulus (Golden Horde) and the Lands of Orient: Trade and Economic Interrelations in the Second Half of 13th — 14th Centuries)*. Series: *Bibliotheca Tatarica*. Kazan: "Iaz" Publ.; Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Kil'diusevskii, V. I., Kurbatov, A. V. 1997. In Kirpichnikov, A. N. (ed.). *Pamiatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiia. Versii (Antiquities. Concepts. Discoveries. Versions)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Pskov: Pskov Historical, Architectural and Art Museum Complex, 270—280 (in Russian).
- Kozlova, A. V. 2006. *Vostochnye traditsii ukrasheniia i predmetov byta iz tsvetnykh metallov v gorodakh severo-zapadnoi Rusi i sopredel'nykh territorii (Oriental Traditions of Decorations and Everyday Life Objects from Non-ferrous Metals in Towns of North-Western Russia and Adjacent Territories)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Kolchin, B. A. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (2), 92—111 (in Russian).
- Kolchin, B. A. 1969. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Ocherki russkoi kultury XIII—XV vv. (Essays on Russian Culture of 13th—15th Centuries)* 1. Moscow: Moscow State University, 156—230 (in Russian).
- Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds.). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: "Nauka" Publ., 156—177 (in Russian).
- Kolchin, B. A., Khoroshev, A. S., Yanin, V. L. 1981. *Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII v. (Twelfth Century Mansion House of a Novgorod Artist)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kolchin, B. A., Rybina, E. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds.). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: "Nauka" Publ., 178—238 (in Russian).
- Kolchin, B. A., Yanin, V. L., Yamshchikov S. (sost.). 1985. *Drevnii Novgorod. Prikladnoe iskusstvo i arkhologiiia (Ancient Novgorod. Decorative Art and Archaeology)*. Album. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 1974. *Torevtika Zolotoi Ordy XIII—XV vv. (po materialam Gosudarstvennogo Ermitazha) (Toreutics of Golden Horde: by Materials of the State Hermitage Museum)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (4), 220—224.
- Kurbatov, A. V. 1994. In *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 1, 189—195 (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 1999. In Nosov, E. N. (ed.). *Rannesrednevekovye drevnosti Severnoi Rusi i ee sosedei (Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and its Neighbors)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 100—117 (in Russian).

- Kurbatov, A. V. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evrazijskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n. e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 197—210 (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 2004. *Kozhevennoe proizvodstvo Tveri XIII—XV vv. (po materialam raskopok Tverskogo kremliia 1993—1997 gg.) (Leather Industry of Tver in 13th—15th Centuries (Based on the Excavations of the Tver Kremlin, 1993—1997))*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 2006. In Labutina, I. K. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* LI, Pskov, 87—112 (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 2007. In Nosov, E. N., Musin, A. E. (eds.). *U istokov russkoi gosudarstvennosti (The Origins of the Russian Statehood)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 89—133 (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 2008. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 171—190 (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 2008. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* II. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 472—476 (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 2012. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 18, 162—173 (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 2012. *Kozhevennoe remeslo v srednevekovoi Rossii (Leather Industry in Medieval Russia)*. Doct. Diss. Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
- Kurbatov, A. V. 2015. In *Tverskoi arkhelogicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 10 (II), 467—495 (in Russian).
- Landa, R. G. 1995. *Islam v istorii Rossii (Islam in the History of Russia)*. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Lapshin, V. A. 2009. *Tver' v XIII—XV vv. (po materialam raskopok 1993—1997 gg.) (Tver in 13th—15th Centuries (based on the Excavations of 1993—1997))*. Series: Trudy Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences) XXX. Saint Petersburg: Department for Philology and Arts, Saint Petersburg State University (in Russian).
- Lelekov, L. A. 1978. *Iskusstvo Drevnei Rusi i Vostok (Ancient Russian Art and the Orient)*. Moscow: "Sovetskii khudozhnik" Publ. (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1994. In Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. (eds.). *Novgorodskie arkhelogicheskie chteniia (Novgorod Archaeological Readings)*. Veliky Novgorod: Novgorod Museum-Reserve, 187—193 (in Russian).
- Lushnikov, O. V. 2009. *Mongol'skaia imperiia v istoriografii XVIII—XX vv. (Mongol Empire in the Historiography of 18th—20th Centuries)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
- Lysenko, P. F. 1974. *Goroda Turovskoi zemli (Towns of the Turov Land)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Lysenko, P. F. 1985. *Berest'e (Berestyie)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Makarov, N. A., Zakharov, S. D., Zaitseva, I. D. 2000. In Chernetsov, A. V., Makarov, N. A. (eds.). *Rus' v XIII veke: kontinuitet ili razryv traditsii? (Russia in 13th Century: Continuity or Discontinuity of Traditions?)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 65—72 (in Russian).
- Makarov, N. A. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke: drevnosti Temnogo vremeni (Rus in the 13th Century: Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5—11 (in Russian).
- Makarova, T. I. 1998. *Drevnerusskoe nasledie v iuvelnom dele rannei Moskvy. XIV vek. Oblachenie mitropolita Alekseia (Ancient Russian Heritage in Jewelry of Early Moscow. 14th Century. Metropolitan Alexei's Vestments)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Murav'eva, L. L. 1973. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (10), 111—127 (in Russian).
- Orlova, M. A. 1997. In Livshits, L. I. (ed.). *Drevnerusskoe iskusstvo. Issledovaniia i atributsii (Ancient Russian Art: Studies and Attributions)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 148—169 (in Russian).
- Osipov, D. O. 2007. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 134—144 (in Russian).
- Osipov, D. O. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod — Staraya Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod — Staraya Russa)*. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: "Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences" Publ., 170—171 (in Russian).
- Osipov, D. O. 2012. *Kozhevenno-sapozhnoe remeslo Velikogo Novgoroda X—XVII vv. (Kompleksnoe issledovanie) (Leather and Shoemaking Craft of Veliky Novgorod in 10th—17th Centuries: the Complex Study)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
- Osipov, D. O. 2014. *Srednevekovaiia obuv' i drugie izdeliia iz kozhi (po materialam raskopok v Moskovskom Kremlie) (Medieval Shoes and Other Leather Products: Based on the Excavations in the Moscow Kremlin)*. Moscow: "Akteon" Publ. (in Russian).
- Oiateva, E. I. 1962. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 4, 77—94 (in Russian).
- Oiateva, E. I. 1973. In Golubeva, L. A. *Ves' i slaviane na Belom ozere X—XIII vv. (Ves' and Slavs on Beloe Lake in 10th—13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 199—205 (in Russian).
- Panova, T. D. 2000. In Chernetsov, A. V., Makarov, N. A. (eds.). *Rus' v XIII veke: kontinuitet ili razryv traditsii? (Russia in 13th Century: Continuity or Discontinuity of Traditions?)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 78—79 (in Russian).
- Polonskaia, M. Yu. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo. K istorii drevnerusskogo goroda (Smolensk and Gnyozdovo: to the History of the Ancient Russian City)*. Moscow: Moscow State University, 105—124 (in Russian).
- Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rabinovich, M. G. 1986. In Rabinovich, M. G. (ed.). *Drevniia odezhdia narodov Vostochnoi Evropy (Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 63—111 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo drevnei Rusi (Crafts of Old Russia)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Slovar' russkogo iazyka XI—XVII vv. (Dictionary of Russian Language of 11th—17th Centuries)* 12. 1987. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Slovar' russkogo iazyka XI—XVII vv. (Dictionary of Russian Language of 11th—17th Centuries)* 29. 2011. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social Order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Khakimov, R. S. 2005. *Metamorfozy dukha. K voprosu o tiurko-tatarskoi tsivilizatsii (Metamorphoses of Spirit: to the Question on the Turkic-Tatar Civilization)*. Kazan: "Idel-Press" Publ. (in Russian).
- Khara-Davan, E. 1991. *Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie (Genghis Khan as Warlord and His Heritage)*. Elista: "Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Cherepnin, L. V. 1977. In Tikhvinski, S. L. (ed.). *Tataro-mongoly v Azii i Evrope (Mongols in Asia and Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 186—209 (in Russian).
- Chernetsov, A. V. 1997. In Chernetsov, A. V. (ed.). *Istoki russkoi kul'tury (arkheologiya i lingvistika) (Origins of Russian Culture (Archaeology and Linguistics))*. Moscow: "Russkii mir" Publ., 145—162 (in Russian).

№5. 2016

- Chernetsov, A. V. 2003. In Makarov, N.A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke: drevnosti Temnogo vremeni (Rus in the 13th Century: Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 12—17 (in Russian).
- Chernykh, N. B. 1965. In Kolchin, B. A. (ed.). *Arkheologiya i estestvennyye nauki (Archaeology and Natural Sciences)*. Moscow: "Nauka" Publ., 86—90 (in Russian).
- Shtykhov, G. V. 1975. *Drevnii Polotsk. IX—XIII vv. (Ancient Polotsk: 9th—13th Centuries)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Shchapova, Yu. L. 1972. *Steklo Kievskoi Rusi (Glass of Kievan Rus')*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Grew, F., de Neergaard, M. 1988. *Shoes and pattens*. Medieval finds from excavation in London 2. London: Museum of London.
- Samsonowicz, A. 1982. Wytwórczość skórzana w Polsce wczesno-feudalnej. *Studia i materiały z historii kultury materialnej* LIV. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Swann, J. 2001. *History of Footwear in Norway, Sweden and Finland*. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
- Wiklak, H. 1969. Polskie obuwie wczesnośredniowieczne z VIII—XIII w. na podstawie wykopalisk. *Materiały Wczesnośredniowieczne* VI. Wrocław; Warszawa; Kraków: Polska Akademia Nauk, 475—517.

Статья поступила в номер 4 мая 2016 г.

Alexandr Kurbatov (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Alexandr Kurbatov (Sankt Petersburg, Russia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Курбатов Александр Валентинович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: alkurba@rambler.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation